

ОСКОЛКИ

Современная военная поэзия

Под патронатом
Председателя Государственной налоговой
администрации Украины в Луганской области
Александра Антипова

Издательство
«Виртуальная реальность»
2010

УДК 82.161.2-1
ББК 84(4Укр)-6-5
О-74

Copyright © 2010 Окорка.ru
Все произведения воспроизводятся с разрешения авторов.
Перепечатка без письменного разрешения запрещается.
Запросы на разрешение следует направлять по адресу:
okorka.ru@mail.ru Глебу Боброву

Главный редактор **Глеб Бобров**.
Редактор-составитель **Владимир Олейник**.
Вступительное слово **Владимир Олейник**.

*В книге использованы рисунки
Клеца Сергея Владимировича
с сайта artofwar.ru*

Осколки.

О-74 Современная военная поэзия: Сборник стихотворений. — Луганск: ООО «Виртуальная реальность», 2010. — 142 с.

ISBN 978-966-492-115-9

УДК 82.161.2-1
ББК 84(4Укр)-6-5

© Владимир Олейник. Предисловие, 2010
© Юрий Беридзе, 2010
© Илья Бестужев, 2010
© Анатолий Гончар, 2010
© Михаил Кошкош, 2010
© Игорь Некрасов, 2010
© Илья Плеханов, 2010
© Андрей Рогожников, 2010
© Николай Сундеев, 2010
© Лаура Цаголова, 2010
© Юрий Прожога. Оформление, 2010
© Издательство, 2010
© ООО «Виртуальная реальность», 2010

ISBN 978-966-492-115-9

Память о войне — особая память, и сейчас вы, уважаемые читатели, держите в руках уникальную книгу. Воины-интернационалисты, участники боевых действий в вооруженных конфликтах последних лет оставили нам огромное по своей мощи поэтическое наследие. Этот сборник позволяет прикоснуться к недавней истории нашей общей родины, а ныне государств-соседей. Поэтическое образное слово дает полное представление о войнах, в которых участвовали наши земляки, наши с вами современники.

Мир хрупок и раним. Это очень хорошо знают авторы сборника. Поэтому на страницах «Осколков» вы не встретите ни строчки в защиту войны как способа разрешения политических проблем. Напротив — каждое произведение звучит гимном веры в победу здравого смысла во имя мира, любви и благополучия.

*Председатель Государственной налоговой
администрации Украины в Луганской области
Александр Антипов*

Боль памяти

Так сложилось, что последние тридцать лет мы живем под прямым или опосредованным давлением войны. Цинковые гробы Афгана, межнациональные конфликты, Чечня, терроризм... Эти абстрактные слова обретали конкретность, входя в человеческие дома и судьбы. Кроме того, сознание десятков миллионов людей было потрясено распадом Советского Союза... И разве можно сказать, что эти войны — афганская, обе чеченские — закончились? Они продолжают — в памяти и сердцах тех, чьи души были задеты ее осколками. И, даже когда приказано забыть, все равно внутри остается щемящая боль, которая не проходит и с годами.

Боль человеческой памяти все же находила выход в — Слове. И капля по капле, сливаясь в струйки и ручейки, точила камень общественного равнодушия, отчуждения. А с приходом Интернета стал очевиден и феномен художественного самосознания, связанного с темой войны. Десятки сайтов, тысячи авторов и десятки тысяч произведений. Свое место нашли и ветераны — участники боевых действий и локальных конфликтов. Характерна и диалектика их творческого развития — от реабилитации художественным актом до современной литературы.

По инициативе и под руководством луганского писателя и журналиста Глеба Боброва был создан сайт www.okopka.ru, посвященный современной военной литературе. Идеей сайта стало качество художественного слова и, соответственно, жесткость эстетических критериев при отборе произведений. В результате — поэзия и проза, представленная на его страницах, по репрезентативности может служить сегодня мерилom состояния русской военной литературы.

Сборник «Осколки» представляет собой лучшее в «окопной» поэзии. Если попытаться одним словом дать обобщающую оценку содержания сборника, то этим словом будет — *зрелость!* Действительно, стихи в нем являются

плодом размышления над чувственной рефлексией, над возвращением к себе и к ситуации, к сумме нравственных выборов, которые предлагала жизнь. Поэтому так много перекликающихся друг с другом сюжетных мотивов. А личностная причастность — или авторское приближение к ситуации! — делают нравственные коллизии предельно простыми, понятными и оправданными в неизбежности выбора. И — живыми! Из плоти и крови человеческой. И в силе, и в слабости! Вторым, характеризующим сборник, словом будет — *правда*! Правда человеческих чувств и изгибающих человеческую природу ситуаций. Как и правда выбора действия или поступка. Может быть — последнего в жизни! И невозможно не поверить этим отлитым в слова историям чувств и судеб. Поэтому третьей обобщающей характеристикой сборника является — *сила*! Сила поэтического слова. Точного и глубокого! Следующего традициям русской поэзии и необыкновенно современного.

Авторы сборника исповедуют различные стили и эстетические принципы. Они так не похожи друг на друга! **Юрий Беридзе** и **Николай Сундеев** по своей поэтике — родом из классического девятнадцатого века. Virtuозность словописы **Игоря Некрасова** заставляет вспомнить начало двадцатого века, как открытость строк **Михаила Кошкоша** — его вторую половину. Если **Илья Плеханов** воспитан на русской и европейской поэтической традиции, то ясная простота **Анатолия Гончара** — от Н.А.Некрасова и А.Твардовского. А еще экспрессивность **Андрея Рогожникова**, историософия **Ильи Бестужева**, возвышенная чистота **Лауры Цаголовой**. Но при этом они равны в своей художественной зрелости, художественной правде и силе поэтического слова. Каждый из них принес свой осколок — боли и любви. Из этих осколков памяти они и создают картину поэтического видения современности — прекрасной и ужасной. Какой и бывает настоящая жизнь.

Владимир Олейник.

Юрий Беридзе

**Юрий Беридзе (Гладкевич
Юрий Вахтангович).**

**Родился в 1956 году в Грузии.
В 1980 году окончил факультет
военной журналистики
Львовского высшего военно-
политического училища,
в 1989 году - редакторское
отделение Военно-
политической академии
имени Ленина.**

**Службу проходил на
Северном флоте, после
окончания академии - в
редакции газеты "Красная
звезда".**

**Воинское звание - капитан 1
ранга.**

Член Союза писателей России.

Не люблю субботу

Кто в субботу отдыхает,
кто субботу свято чтит...
мол, шаббат — не блажь какая,
почитал и сам Давид.
Он ведь, братцы, даже помер
в день шаббат. А мы живем...
Отбывает кто-то номер,
кто-то грезит о своем...
Кто-то так, а кто-то эдак
проживает данный срок,
кто плюется напоследок,
кто-то радуется: смог!..

Впрочем, что-то я не в тему,
не по делу и зазря...
"Чел, убейся ты ап стену" —
нынче так ведь говорят?
Ну, опять вернусь к субботам.
Не люблю я, братцы, их
с той поры, как наша рота
не вернулась с боевых
в ту проклятую субботу...
Ну, а я в тот день, живой,
шел к (не помню номер) борту,
чтоб лететь в Союз — домой...

Здравствуй! До свиданья!

ты сидишь, обнявши мишку,
и глаза потешно сузив,
ждешь, когда строка, как вспышка,
даст прозреньё олл инклюзив...

так тебя учила мама:
"книга — лучший друг" — и точка!

я лицо утру панамой
(что поделать: жар — восточный)
и, приткнувшись к бээмпэшке,
от пылюки ржаво-красной,
напишу тебе поспешно:
ну, родная, здравствуй... здравствуй...

и споткнусь на полуслове:
что писать-то в мир твой тихий?
как взлетающей "корове"
две душманские "шутихи"
только чудом не вlepили
в борт такие оплеухи...
или что майор-лепила
(может, правда, может, слухи)
безнадежного радиста
все же вытащил из комы,
и на этой же "корове"
тот в Союз летит, счастливый...
потеряв два литра крови
в полушаге от могилы...

в общем, здравствуй... здравствуй... здравствуй...

что писать-то дальше? знаю!
я без всякого лукавства
напишу, что загораю...
это правда... вот и фото,
на котором вроде негра
я стою — "аллё, пехота!"

и еще немного строчек
напишу тебе с любовью:
книжный опыт — он непрочен...
не доверься пустословью...

и, обнявши нежно мишку,
помни - есть в лесу медведи,
что огромны и косматы
и не падки на словечки,
им подsunешь тайно книжку,
а они идут обедать,
и обеды их скромны...
что естественно, конечно...

мы же люди — не медведи,
нам давай — подай идею,
"мыслю — значит, существую"
и другие постулаты...
на диване, да под пледом
я любую Галатею наваяю, да такую,
что и сам не буду рад-то...

но зато уж пена будней
никогда не испугает,
по-над пеной — без опаски,
хоть и нету тормозов, но
пролечу я безрассудно,
для врагов недосыгаем,
мимо горестной развязки
на давно звучащий зов твой...

зов из далей мирозданья...
все, родная! до свиданья...

Блокпост

Ты чуешь, командир, как пахнет лето?
Полынной горечью земли согретой,
травую пряною с некошеного луга
и кровью нами залитого юга.
Настоем ягод в шелковичной кроне,
прокисшей медью стреляных патронов,
солярой горькою из приданого танка
и смертью от неубранных останков.

Рассвет над Костромой

А где-то там, над Костромой,
тишайший выдался рассвет,
сопит в подушку мальчик мой,
ему сегодня девять лет.
И в кухне капает вода
из крана — словно метроном
ведет отсчет с тех пор, когда
надолго я покинул дом...
Еще будильник не звенит,
но стрелки близятся к восьми,
а здесь давно аул не спит —
идет зачистка, черт возьми!
И если где-то полыхнет —
пойдет пожива для ствола...
Нам Бог за это явит счет,
а им свой выставит Аллах.
И справедливей и точней,
чем человеческий вялый счет.
Ну, а пока — война в Чечне.
Война идет... Идет... Идет...
Но греет душу: дома мир —
и в нем проснется Кострома...
А нам с тобою, командир,
как видишь, выпала война.

Ведено

В ущелье вызревают облака
и в горы заползают, отдуваясь,
и на тропинках горных оступаясь,
о скалы в клочья рвут свои бока.
Но — молча. Как в веках заведено.
Как заповедано — без охов, ахов.
Вздохмаченною горскою папайхой
их надвигает ночь на Ведено.
И Ведено вздыхает тяжело:
опять пойдет пальба за блокпостами.
Джихад дурными взвоят голосами
разбойничью молитву за селом:
Аллах акбар! А на стволах — нагар,
а к облакам — дымы пороховые...
Век двадцать первый. Южный край России.
Война... Ну, с Богом... И — Аллах акбар...

Прости, сержант

Я был тобой к земле прижат,
Когда рвануло.
Я пережил тебя, сержант
Сергей из Тулы.
И лег косою свинцовый крой
Тебе на спину.
Как горяча чужая кровь...
Но сердце стынет —
От неосознанной вины,
От этой смерти,
От не щадившей нас войны.
Под Улус-Кертом
Все так же вороны кружат,
Лихие птицы...
Я пережил тебя, сержант.
Живу в столице.
Давно я счастливо женат,
И сын — Серега...
Я пережил тебя, сержант,
Уже — намного...
И хоть ни в чем не виноват
И не пристыжен,
Но ты прости меня, сержант...
Ведь я-то — выжил...

Прикрою

Все случится сегодня.
И будет, наверное, просто...
А пока я курю —
хоть минута, но все же моя, —
снегопад мне постелит
последнюю свежую простынь,
и придется сказать:
ну, спасибо — за смену белья...

Пусть постель — не из лучших,
Но я и не жажду комфорта.
Я к нему не привык,
А теперь и совсем не судьба...
Мне комфорта сейчас бы
такого, солдатского сорта:
поудачней позицию —
Будет точнее стрельба...

Как красив снегопад...
Заметает тропу под скалою...
Жаль, что я не художник —
обычный российский солдат.
Написал бы картину...
Но надо готовиться к бою.
Ну, прощайте, друзья,
И давай, выручай, автомат...

Привязанность

Вот
и выпала
привязанность...
А привязан я к броне:
хоть и дышишь вволю газами,
все же держишься на ней
в час, когда, срываясь в вой,
бэтээр, как пес чумной,
прется горною дорогой
к блокпосту в селе Шатой.

Весь в пыли, покрытый сажею —
не беда... Зато уж не
полыхнешь в отсеке заживо,
как бывает на войне,
в час, когда, срываясь в вой,
бэтээр, как пес чумной,
прется горною дорогой
к блокпосту в селе Шатой.

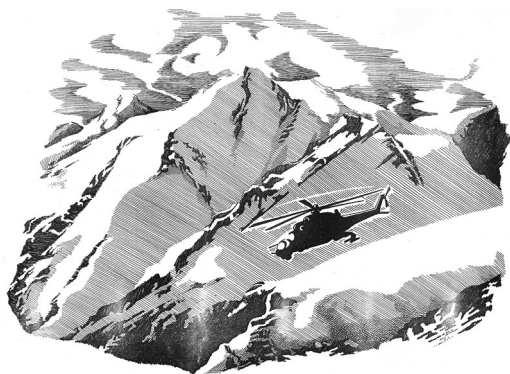
В худшем случае так сразу же
сковырнет меня с брони
тот, кто, как и я, привязанный,
но — с противной стороны,
в час, когда, срываясь в вой,
бэтээр, как пес чумной,
прется горною дорогой
к блокпосту в селе Шатой...

Дойдите, парни

Когда пылавшая броня
остынет, скорчившись калекой,
живые вытащат меня
пригоршней пепла из отсека.
Да, мне бы выжить... Хоть назло
бородачу с гранатометом.
Но в этот раз не повезло.
Война... Случается, чего там...
Да, и еще: из-под Шали,
не будь я пеплом — просто телом,
со мной бы парни не ушли,
все полегли б, такое дело.
А так — горами налегке,
пригоршня пепла — груз не тяжек,
не помешает на тропе
поставить сколько-то растяжек,
способных "духов" задержать —
пускай повозятся-ка с ними.
...Ну, парни, в бога-душу-мать,
дойдите же хоть вы - живыми!

Обоим повезло

Боль уходила сквозь бинты,
а ей на смену шел покой.
И он сказал: братишка, ты
какой-то нынче не такой.
Ты как-то странно молчалив,
а ведь язык — как помело...
Ты жив и я, как видишь, жив,
нам, брат, обоим повезло...
Когда грузили в вертолёт,
он прошептал, что давит жгут,
но рана — мелочь, зарастёт...
А врач сказал: не довезут.

Все - не так...

Пуля — дура, штык — простак...
Все не так здесь, все не так.
На неправильной войне
все неправильней вдвойне.
Нет — неправильней стократ...
Даже русский автомат —
распрославленный "калаш" —
так и тот уже не наш,
раз огонь ведет по мне
на неправильной войне.
Даже враг — и тот не тот...
Может, он сейчас идет
рядом с кем-нибудь из вас,
а в ночи взорвет фугас.
Впрочем, разве ж только враг?
Я — неправильный! Очаг
общий наш мы рушим с ним,
вроде как назло самим.
Хоть по горло, по края
настрелялись он и я,
хоть у каждого теперь
счет неслучайных потерь.
Пуля — дура, штык — простак...
Все не так здесь, все не так.
Кровь не смыть ему и мне
на неправильной войне.

Пехота

А я пивал
из грязных луж,
болотных бочагов
и речек в половодье.
Держась за гуж,
терпел, когда не дюж,
и не марал солдатское исподне,
когда стреляли с гор,
когда — в упор,
когда разрывы —
гуще, чем нарывы
на обмороженных
в разгар декабрьских стуж
ногах...

Давай, метель - завьюжь,
дождина — шпась,
и жарь сильней, светило...
А нам ничто иное не светило:
пехота, братцы, и сейчас — пехота.
Ее удел — в крови, поту, блевоте,
скотинке серой, выbledку войны...
Что морщитесь?

А, вона как — нежны...
Ну, ясен пень: мы нахрен не нужны,
мы только вам — должны, должны, должны...
В жару и холод — топать, топать, топать,
втирая в лбы пороховую копоть,
в бою неловко дыры в теле штопать,
зарыгаться в землю, прорасти в окопы —
и гибнуть, прикрывая ваши жопы.

...А так вам
нету дела до пехоты.

Ромашка

Ромашка на бруствере...
Глупо...
Здесь лучшие саженцы —
пули.
Небес бронированный
купол
хранит пулеметные
улы.
Ромашка на бруствере...
Странно...
Здесь место осколкам
горячим.
Смотрите, как бруствер
изранен,
ромашку уж точно
не спрячет.
Ромашка на бруствере...
Чудо,
растущее прямо
в закат...
Себя ощущая
иудой,
срывает ромашку
солдат.
И слышит ромашка —
шепнул ей
солдат, не скрывая
вины:
нельзя вас, ромашек,
под пули...
Хватает и нас
для войны...

Госпитальная молитва

Я помню только боль —
и ничего иного...
Но все же из молитв
всплывает исподволь
никак не вспоминаемое слово,
которое — единственный пароль...
Оно, быть может, ключ,
чтоб вырваться из плена —
несвежих простыней
и трещин в потолке,
бесформенных теней
на госпитальных стенах,
бессонницы, отточенной,
как нож на оселке.

Я помню только жар —
и ничего иного...
И из войны в войну
земной катится шар,
стирая в пыль завещанное слово
и обнажая лезвие ножа.
А нож, как видно, зол
и жаждет омовенья
в кровавом и шальном
безудержном пиру,
и видятся в окно,
как светопреставленье,
судьбина беспросветная
и тризна на юру.

Я помню только тьму —
и ничего иного...
Молюсь, чтоб вопреки
бессилью своему
я вспомнил ускользящее слово —
оно бы и прикончило войну...
Оно в последний раз
рвануло бы гранатой,

влепило пулю в лоб,
не чувствуя вины...
И сколотило гроб —
не для меня, солдата...
Для, наконец, законченной -
и навсегда — войны...

Война обманет

Война (сказать бы поточней)
Все ожидания обманет...
Здесь кто-то станет сволочней,
Кого-то здесь совсем не станет,
А кто-то, сдюживши в бою,
Дорогу к миру не осилит...
Война — проверка на краю...
И жесткий выбор: или — или...
И те, кто выжил, но не дюж,
Не устояв пред искушеньем,
Оставят здесь останки душ
И не заметят пораженья.
И потому слова молитв
Звучат в бою и после боя:
О, Боже, пусть душа болит...
Болит — останется живою.

Не до плача...

Ну, что ты, осень, плачешь у заставы?
Оплачь тогда и наших, и чужих...
Ни мы, похоже, ни они не правы,
Ну, так и что же — нам не целить в них?
Но здесь война. И значит — не до плача.
Слезой затуманивши прицел,
схлопочешь тотчас парочку горячих...
Кто первым бьет, тот, стало быть, и цел.
Вот так, сестра... Дождем да листопадом
смущать солдата — это смертный грех.
А вот убьют — тогда с тобою рядом
я стану, осень, и оплачу всех.

У меня все нормально...

У меня все нормально,
нормально,
нормально...
Под рукой автомат - вороненою сталью,
за спиною —
скала
неприступной стеною.
Все нормально, нормально, нормально со мною...
Ну, а то,
что в груди
непрестанно клокочет,
так ведь это, наверно, закончится к ночи.
А вообще — все нормально,
нормально,
нормально...
Правда, трудно дышать, будто воздух - хрустальный.
Но зато уж
от духов
не будет подвоха —
я их всех положил. Согласитесь, неплохо...
Что-то реже
становятся
сердца удары,
впрочем, может успеют еще санитары.
Я записку засуну в нагрудный карман.
У меня все нормально,
нормально,
норма...

Письмо п-ка Тушина

...Письмо прочел. И понял вас...
Да, справедливы ваши речи.
Но вы пошлите хоть бы раз
разведку гибели навстречу —
в ловушку, прямо на засаду,
когда нельзя, но — надо, надо...

*

...Упрек мне ваш - не в бровь, а в глаз —
все ж не оставлю без ответа:
я сотни раз давал приказ
и каждый день плачу за это.
И не деньгой — пусты карманы,
а злыми спазмами в гортани...

Обильной ранней сединой,
разводом с любящей женой
и тем, что пятый год подряд
я хороню своих солдат...

*

...Клонюсь повинной головой,
и матерей солдатских вой
мне душу рвет: "А сам — живой!"
Живой...
Простите...
Жив пока...
Полковник Тушин,
комполка...

Читая Нагорную проповедь

Каждая заповедь даст рикошет пулей от тверди небесной.
Разум давно неподвластен душе. Проповедь здесь неуместна.
Даже Нагорная... В этих горах слово бессильно и странно.
Дьявольской истиной воздух пропах — дымный,
отравленный, пьяный.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Нищие — есть. А смиренных-то — нет. Царствий сулить нам не надо.

Лучше — не слишком кровавый рассвет. Хоть в полушаге — от ада...

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Слезы — как кровь. Утешенья — пусты. Видевший это — немеет.
В русской земле прорастают кресты, эта земля — каменеет.*

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Это наследство — уже навсегда. Кротость, наверное, тоже.
С этой земли-то — уже никуда... Ну, а зачистку — негоже...

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Жажда привычная. В общем — давно. Но утоленья не будет.
То, что за правду одним сочтено, ложью другой посчитает.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Это касается точно не нас — мы-то на милость не скоры...
Каждый помножен на ненависть масс — как отменять приговоры?

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Кто же наш бог, если каждый — убог, если обойма — икона?
Пусть и высок проповедника слог — мы все равно вне закона.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Мы — мироломцы. И это — точнее (а ведь Всевышнего дети...). Местный и пришлый, в Чечне, не в Чечке — все мы разносчики смерти.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Гнать бы и нас, да поганой метлой... Только куда — мы ж повсюду... Господи, лучше ты нас упокой. Сделай последнее чудо...

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Этому, видно, вовек не бывать — все мы давно пустоглазы.
Мы пристрастились давно убивать, а в оправданье — приказы...

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Как не суди, да и как не ряди — что нам до рая и ада?
Нет уж, Всевышний, ты здесь награди. Чтоб по вине — и награда...

**Примечание: В Чечне на могиле ставят так называемый чурт — камень в изголовье.*

Прими, Господь

Из пламени да копоти —
в мир светлой тишины...
Теперь, выходит, Господи,
ты вместо старшины?
Тогда прими по описи:
"калаш", бронежилет,
рожок в кровавой окиси —
пустой, патронов нет.
А гильзы-колокольчики
усыпали поля.
Сперва патроны кончились,
а вслед за ними — я.
Пиши, Господь: солдатское
исподнее белье,
душа моя арбатская
и тело — без нее.

СНЫ

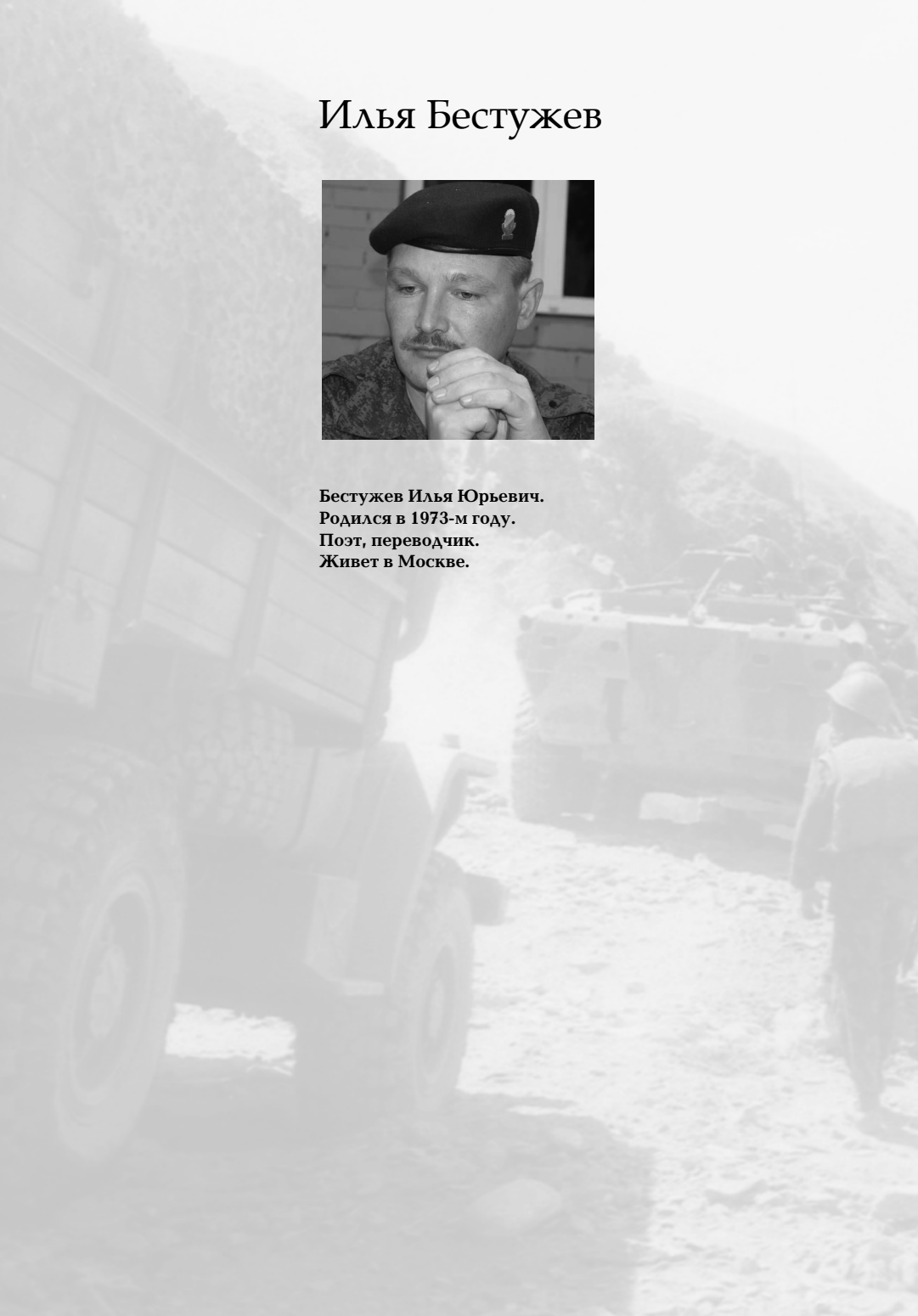
Хорошие сны —
что нет войны...
А я просыпаюсь в поту:
патрон
заклинило в автомате...
На лунном свете,
словно вата,
набухает ночная сырость.
Черт, опять приснился...

Илья Бестужев

Бестужев Илья Юрьевич.
Родился в 1973-м году.
Поэт, переводчик.
Живет в Москве.

Дракон

*"...Я "ЯК"-истребитель. Мотор мой звенит,
Небо — моя обитель..."
В.С. Высоцкий****

Год — сорок первый. Я — дракон.
Летел над пропастью,
И смесь тумана с молоком
Рубили лопасти.

Тянулся к солнцу, в синеву,
Хрипел компрессором...
Да... Я был — Богом наяву.
А может, кесарем...

Я помню... Рваный небосвод,
То снег, то солнышко,
И бился в кашле пулемет —
Взахлеб. До донышка.

Четыре паруса-крыла,
Вы слишком медленны...
Пушистый шнур — навстречу. Мгла
Да - трубы. Медные?

Нет. Хоронить меня — не вам,
Тевтонским рыцарям!
Я — слишком верен небесам,
В которых биться мне.

...Рычит в предсмертии мотор,
Плюется гайками.
Мне ль — проиграть жестокий спор,
Крещен ведь — Чайкою.

Крещен... Все ближе — тень креста
Сквозь перекрестие.
Прости, последняя мечта.
Привет, созвездия!

...Лет через ...дцать меня найдут
В болотах мурманских,
Поднимут.... Жиденский салют,
Да водка — русская.

Елейным маслицем с икон
Подмажут лопасти.
И продадут... А был — дракон,
Парил над пропастью...

Пять минут тишины

Закончились танцы. Тропинка вдоль речки,
Туман — покрывалом седым.
Ты? Здравствуй... Признаться, неожиданная встреча.
Так что же? О чем — помолчим?..

Вчерашний закат был — багрово-кровавым,
Над ночью — краснела луна...
Скажи, почему в луговом разнотравье
Струною — звенит тишина?

Предчувствия? Мёрзлую глыбой на сердце -
Тревога. Секунды — песок.
И веточкой в нем замороженно чертим
Безмолвное кружево строк.

Послушай, а может мы просто — тоскуем,
Устав от непрожитых лет?
В такой же июнь нашим не-поцелуем
Был - порван счастливый билет...

А знаешь... Когда-то мы были неправы.
Былое исправить — нельзя.
Наводим — сближением рук — переправы.
Молчим. Все расскажут глаза.

Прислушайся... Тише... Июнь — поцелуем

Припал к пересохшим устам.
Еще пять минут тишины. Потанцуем?
Поверим — рассыпанным снам?

Еще пять минут предрассветного счастья.
Прощальный подарок судьбы?
Вот-вот наша хрупкая не-сопричастность
Развевается ветром, как дым.

На западе — рокот далеких моторов.
Рассвет. И багрянцем лучи
Бликуют на крыльях чернильного строя.
Еще пять минут. Помолчим?

Хрустальное утро. Притихшие птицы.
Еще — пять минут тишины.
Давай сговоримся друг другу присниться?
В шесть вечера? После войны...

Я - Советский Союз

Я - Советский Союз, кораблем воплощенный в металле,
Вопреки непреложности времени, в коем я не был рожден.
Килотонны наркомовской стали, что — строчками стали
Бесполезно ржавеют под серым предзимним дождем.

А казалось — чуть-чуть, и — свинцовый балтийский фарватер
Мне откроет дорогу. Ее не нашел Геркулес.
Капли... Дождь на броне, охреневшие чайки - в кильватер:
Посмотреть на кончину титана, несущего крест.

А казалось (вполне!) - под прицелом шестнадцати дюймов
Целый мир ляжет агнцем, как все сглаголил пророк.
Я хотел этот мир сбросить наземь с подгнивших котурнов,
Но - ложатся букетами сны, в сотый раз заболтав Рагнарёк.

Я - последний атлант, изнемогший под ржавостью неба,
Променявший Вальхаллу на клубность признания строк.
Я — "Советский Союз". Я — живая, живучая небыль.
Я — последний атлант. А последний — всегда одинок.

Рак Post Romana

И это — жизнь?! Обидно — до истерики.
Какой кретин затеял переправу?
Я — патриот поверженной Империи,
Я — гражданин исчезнувшей Державы,

Центурион среди варварского капища -
Распятый, ошарашенный, стреноженный.
И копошатся обезьяньи лапищи
Над лорикой, фалерами, поножами...

И это — жизнь?! Трибуны-алкоголики
За опохмелкой двинули за речку.
Нас продали, квирит, за счастье кроличье,
Да и притом — остригли, как овечек.

Легат был слаб. Идеалист, без кворума.
В легачьей свите — с кухонь полудурки.
И вот — итог: на гордых римских форумах
В Курбан-Байрам баранов режут чурки.

И это — жизнь?! Могли ж — открыть америки,
И олаврушить мир бессмертнойлавой.
Все — прОпили. Прожрали. До истерики
Обидно. Только кровь по венам — лавой.

Трибуны сыты. А в фаворе — звери, и
Осталось встать и крикнуть: Боже правый...
Я — гражданин исчезнувшей Империи.
Я — патриот поверженной Державы...

Цинковые журавли

Небо на Кавказе — густо-синее...
Отгремели грозами бои,
Синеву привычно ранят крыльями
Цинковые птицы-журавли.

Им лететь — в последний раз по солнышку
Да тянуть серебряную нить,
Прежде, чем в оструганных суденышках
Навсегда — улечься под гранит.

Все равно. Командовали ль ротами?
Только ль притирались к сапогам?
Равноправно-серые «двухсотые»
Развезет «тюльпан» по адресам.

...Жидкий строй «кузнечиков» на кладбище.
Речь. Прощальный треск очередей.
Жить отныне — в памяти товарищей
Да в сердцах и снах родных людей.

А на дискотеках — их ровесники
(Искренне считаются - ДЕТЬМИ)
Обсуждают девочек и песенки -
Хорошо живется молодым...

...На перроне станции «бессмертие»
Каптенармус-ангел примет цинк,
Выдаст крылья — белыми конвертами,
И к «парадке» — золоченый нимб.

Вечно молодые. Вечно — сильные.
Им бы жить — на взлете полегли...
На прощанье — нам качают крыльями
Цинковые птицы-журавли.

...но не сдаюсь

«Погибаю, но не сдаюсь»...

Смерть — хмельней, чем волшебный кубок.

Я — не викинг. Скорее — трус,

Но — на всех не хватило шлюпок.

Говорите: «И смерть красна»?

...День исходит багряной высью...

Просто — меньше свободы, на...,

Чем у загнанной в угол крысы.

Ну, а крыса в углу — страшна:

Жизнь за десять — расклад стандартный.

...Тушит в сердце пожар волна,

Плещет в рубку — за квартирой кварта.

Вот он — славы желанный час!

Выбирай: хоть в Джаннах, хоть в Ирий!..

Только вот (как всегда у нас) —

Не хватило на всех валькирий.

Надоело. На дно. Без — чувств.

(Лишь русалки, как дуры, плачут).

Погибаю, но — не сдаюсь

(Вдруг чего-то еще не хватит?)

Товарищ Сизиф

Вечер. Небо. И — звёзды... Замёрзшие тучи — скукожились,
Прометееву печень клюёт отморозенный гриф.
Из ледышек не сложишь свободу — проблемы лишь множатся.
Чем тебя поддержать, фронтовой мой товарищ Сизиф?..

Мы взрастали на догмах. Мы мнили ветра — непреложными.
Чай, не флюгер — выкручивать румбы. Поверьте — устал.
Ты скажи — чем выходит нам жажда достичь невозможного?
Чаще — боком. И сразу. Не так ли, товарищ Тантал?

В мире — много придурков, драконов и места для подвига
(Вместо неба — повис перевернутый черный пентакль).
Пусть народ хлещет пиво и режется в «крестики-нолики»,
Мы — в крестовый поход. Собирайтесь, товарищ Геракл.

...А народ — улюлюкает: дескать, «воняет конюшнями»,
Шьёт паскудную славу десанта на Плайя-Хирон.
Нет убийственной газа, чем серая хмарь равнодушия.
Наш кораблик готов? Adelante, товарищ Харон!

Только... Шарик — он круглый. К тому же — ещё и вращается.
Мы вернемся на берег - и в том нам порукой прилив.
Вновь — сияет вершина. Шершавый булыжник под пальцами.
Вариант номер N... Приступаем, товарищ Сизиф?..

Анатолий Гончар

**Анатолий Михайлович
Гончар.**

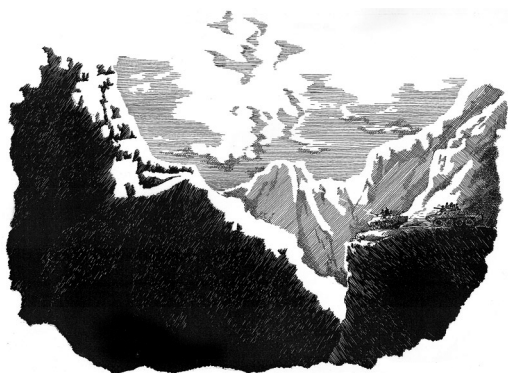
**Поэт, прозаик.
Родился в 1965-м году в
Тамбовской области.**

**Служил в Афганистане,
участник боевых
действий в Чечне.
Имеет государственные
награды.**

**Женат. Двое детей - сын
и дочь.
Живет в Тамбове.**

Афганистан

По секрету мы узнали,
(А война всегда секрет),
Что мы здесь не воевали,
Что войны здесь вовсе нет.
Мы сажали здесь деревья,
В школах к знаниям вели,
В кишлаках (гуляй, деревня!)
Дни нехило провели.
На пикник хияли в горы
И, катаясь на «броне»,
Регистанские просторы
Мы освоили вполне.
Если вдруг «заболевали» —
Медсанбаты за углом.
Мы же там не воевали,
Чеков хапнув навалом.
Загорали, песни пели
И водили хоровод...
Жаль, гробы в Союз летели
Каждый день... из года в год...

Поминальная

...первым пал Заславский Юра.
Будет пухом пусть земля.
Говорят, что пуля дура,
Но не верю в это я.
Перестал считать потери
Мой истерзанный народ,
Только я в слова не верю:
«Время лечит - всё пройдёт».
Не вернёшь, ушли навеки
С. Мазурский, Д. Веснин.
Слились слезы — стали реки,
Разлились...
Еще один
Среди сопок за туманом
— Я умру? — друзей спросил.
Был утешен он обманом,
Но, чтоб жить, не стало сил.

Как теперь сказать словами,
Что прожили жизнь не зря!
А никак... опять обманем?
Что ж, простите нас друзья.
Мы вас помним! Павшим слава!
Что ушли — не их вина,
На гробы легли по праву
Красной крови ордена.

Толи цикады, толи кузнечики
Звенят до противного долго.
Есть у гранаты простое колечко,
А где-то в России — Волга.
Где-то есть дом с огородом, садом,
В доме большая печка.
Всё далеко. Почему-то рядом
Только граната с колечком.
Там далеко есть девчонка Ритка,
В церкви — во здравье свечка.
Там дорогая сердцу калитка,
А здесь РГД с колечком.

В домик калитка пропустит свата,
В церкви погаснет свечка.
Вслед за бойцом упадет граната.
Останется лишь колечко

Засада

1

Мотора гуд, свист лопастей,
От перегрузок ломит уши
И горло почему-то сушит...
А впрочем, всё как у людей...

...Квадрат, задача, цель ясна,
Спецназ выходит на работу.
Сегодня будет не до сна,
Сегодня точно будет что-то.

Среди камней, среди песков
Укрывшись серой плащ-палаткой,
Без суеты, без лишних слов,
Лишь сухари жуя украдкой,
Лежат разведчики.
А ночь,
Сверкая звездами, хохочет.
Сама не зная чего хочет,
Сама себя уносит прочь.

И вот уже восток в зарницах,
Уже алеют небеса,
Подходит тьма к своей границе...
Чу, слышен топот, голоса...
И тень скользит из-за бархана.
И тень за нею, снова тень...
Чуть-чуть поближе. Рано... рано...
Пора. — Огонь! — И ночь - как день.
Ракеты, всполохи зарницы
И трассеров гудящий рой
Всё осветили.
Мир кружится.
Кипит, идёт кровавый бой.

«Аллах Акбар» исчез в разрывах,
Там чей-то стон, тут чей-то крик,

Вон к «калашу» боец приник
И бьёт почти без перерыва.

На левом фланге смолк ПКа.
- Серёга ранен, бинт... скорее.
Течёт кровавая река,
Теченье мчится всё быстрее.

2

Восток багровый словно кровь,
Кровавый диск по краю неба.
Здесь побеждает не любовь,
Старуха смерть здесь королева.

Всё реже выстрелы.
Светает.
Зеленый росчерк - кончен бой.
Клонясь к земле, ракета тает,
Таща шлейф дымный за собой...

Всё, бой закончен.
Боль утраты
и радость жизни — злая смесь.
Слеза шипит на автоматах,
Но горевать не место здесь.
И командир спешит с досмотром.
Радист «вертушку» запросил.
А ведь и впрямь настало утро —
Мулла вдали заголосил...

Досмотр окончен, все трофеи
К площадке ровной снесены.
Горячим ветром с юга веет,
А души просят тишины...

Но вот винты песок вздымают.
— Давай живее, командир! —
Борттехник группу подгоняет.
— У нас и так с десятков дыр.

— Где ж вас так ласково встречали? —
Спросил уставший лейтенант.
— Да тут... — борттехник, отвечая,
Махнул рукою невпопад.
— Шмальнул «душок» из-за дувала,
Но, бог даст, больше не шмальнёт.
Нам до того обидно стало —
Зашли разок на разворот...

Винты сильнее засвистели,
Пыль поднимая до небес.
— Ну, слава богу, полетели...
...И больше никаких чудес.

От разрывов оглох,
Крошкой било в лицо.
Там вам быть не дай бог!
Поднимаю бойцов.
Поднимаю сквозь крик,
Поднимаю на смерть.
Я в их мерках старик.
Мне пора умереть.
Ну, а мне двадцать два.
Я чуть старше и злей.
Мне помогут слова, —
Мат — не божий елей.
— «Поднимайся, пошел!»
К черту эту любовь!
— «Что за камнем нашел?»
Слезы — это не кровь.
— «Поднимайся, вперед!
За арык, за арык!
Не позорь наш народ,
Преврати слезы в рык.
Хорошо, молодцом!
Чуть повыше прицел».
Я доволен бойцом.
Да и он, вроде, цел.

АГС затих,
Устал сражаться.
А я что, псих,
Чтобы держаться?
А я что, псих?
Давай патроны!
И друг затих.
Не слышны стоны.
А я что, псих?
Я ведь не вечен!
Последний миг
Мне обеспечен.
А что, я псих!
Чека гранаты...
Взорву-ка их...
Прощай, ребята!

Не исправить слов на бумаге:
«Погиб, исполняя служебный долг.
Представлен комроты посмертно к «Отваге».
Краткий, корявый, служебный слог.
Чуть ниже приписка, (комвзвод подписался):
«Простите, не смог я его уберечь.
Я рядом лежал, я в кустах не спасался.
Но мне повезло, била мимо картечь.
Так пули свистели — за яростным свистом
Не слышался грохот его РПКа.
Хотел на гражданке он быть трактористом,
Но стал он солдатом теперь на века.
Представлен к «Отваге» посмертно. Простите.
Я ранен всего лишь был в этом бою.
Простите, простите, простите, простите!
Простите, коль сможете, рану мою!»

Прощание

Ночь явилась.
Красками заката
едва теплил на холме лесок.
То ли сом плеснул у переката,
то ли отзвук... взрыва???
...На часок
я к реке приехал.
Любовался
волнами под золотом зари...
Час прошёл... другой... я оставался...
Вот уже мелькали фонари,
а за холм упавшее Ярило,
кровью заливая небосвод,
вдруг лучом зелёным осветило...
напоследок...
И потухло...

Вот
засверкала россыпь самоцветов —
звёздный рой на небе, на реке.
И тоской ненайденных ответов
волчий вой раздался вдалеке.
Волчий вой, (извечное проклятье
волчьей стаи),
вызов или плач?
В нем мирских законов неприятье...
Сам «певец» — и жертва... и палач...

Волчий вой возвысился, сорвался,
потревожил задремавший лес,
в моём сердце стоном отозвался
и, споткнувшись, без следа исчез.

Тишина нагрянула неожиданно,
вдруг родившись в шелесте ветвей.
Я стою и внемлю благодарно,
без остатка растворяясь в ней.
Поднялась луна, на шпильях сосен
мягкий свет, как золото разлив.

И в права вступающая осень
тонким льдом подернула залив.
Я стою безмолвствуя.
Минуты
убегают в прошлое.
Часов
я не замечаю.
Будто путы
меня держат.
Тени серых сов
заскользили над уснувшим лугом.
Чешуей искрится перекат.
Ходики, устав в ходьбе по кругу,
вдарили полуночный набат.
И опять всё стихло.
Ночь степенно
открывает тайны для меня,
но уже вдали горит нетленно
новая восточная заря...

...и не сказать кому-нибудь другому,
что я стоял и слушал тишину,
не потому, что уезжал из дома,
а потому, что ехал на войну.

Михаил Кошкош

Кошкош Михаил Владимирович.

Родился 9 апреля 1964 года.

**С декабря 1984 по июль 1986
проходил службу в ДРА, 271 ОИСБ,
2 ИСР. Награжден медалью «За
отвагу».**

**Автор книги стихов «Афганские
четки» (2009 г.) Печатался
в периодической печати,
литературных альманахах
"Искусство войны"
(г. Москва) и "Странник" (г.
Саранск)**

**Женат. Двое детей.
Живет в г. Мариуполь Донецкой
области.**

В кулаке — светляк от сигареты.
Ночь в проломе серого дувала.
Оседают «елочкой» ракета
В каменную яму перевала.

Звезды — точно косточки граната
В воздухе полночном и весеннем,
Да родная тяжесть автомата,
Что прилег котенком на колени...

Ощутить судьбу свою — гитару
В этот час, мистический и ранний,
Не в костлявых пальцах Чарикара,
А в ладонях трепетных Рязани.

Там, где пахнет хвоей и грибами,
Где блестит в траве дорога к дому,
Где не будешь тыкаться руками
Сослепу в последние патроны.

Если вернусь

Если вернусь...
Часто не верю, что можно вернуться,
Если вернусь...
Мне бы от радости не задохнуться,
Если вернусь...
То помолюсь обязательно Богу,
Если вернусь...
С этой чужбины к родному порогу.
С легким сердцем
Распахну я настежь двери дома
Чтобы в возвращение поверить...
С небом синим
Обопрусь о подоконник.
Спрячу слезы
В огрубевшие ладони
Если вернусь...

Рассказ

Возвращаясь домой, наша группа попала в засаду.
Подорвалась машина. Меня отшвырнуло с брони,
И спасла меня тень от большого куста винограда.
В винограде меня не заметили видно они...
Помню, видел троих, — их худые сутулые спины,
И отчетливо слышал гортанный чужой разговор.
Суетились они у подорванной нашей машины,
И я видел, как раненых там добивали
В упор ...
Пыльный, солнечный модуль,
Больничные, бледные лица.
Занавески на окнах — роскошный военный уют.
Я мечтал об одном: поскорее заснуть и забыться,
И одно только помнить, — что любят меня и что ждут.
Под Баграмом санбат, знаю, многим покажется раем.
Для солдата санбат — что для древних паломников Рим.
Только я и во сне воевал и давился сухпаем,
Только я и во сне продолжал пробиваться к своим.

Мне сейчас говорят, что с войной этой вышла ошибка
Мол, война нам нужна, как счастливому евнуху хрен.
И тогда, я к лицу примеряю пустую улыбку.
Как протезы свои
Примеряю
Чуть выше колен.

Вишневая баллада

Маргарите

Полтава, Полтава! Вишневый цвет
Волнующая страна!
В полтавских садах росли с юных лет
Влюбленные: Он и Она.
Случилось за "речкой" ему служить —
О, время почтовых слов!
Да разве в разлуке ему забыть
Огромную их любовь.
Хмельная, плыла его голова:
Письмо ее — три строки.
А все остальные в письме слова —
Вишневые лепестки.

Броня принимала неравный бой,
В десантном отсеке — жар.
И эхо от взрыва тугой волной
Ударило в Чарикар.
Горелым тротилом пропах Восток,
В броне смерть одна на всех.
Пуржит, засыпает сухой песок
Полтавский вишневый снег.

Любовь ей прислали в большом гробу
С окошечком в черный цвет
И рвала за патлы свою судьбу
Вдова в девятнадцать лет.

Пустые года, как немое кино:
Все радости — стороной.
И вишни в саду заневестились, но
На что они ей одной?
И ветер качает и треплет листву,
И небо чернеет от гроз,
И падают спелые вишни в траву,
Как капли рубиновых слез...

Хлорка

В морг баграмского санбата
Привезли с войны солдата -
Да, тогда по адресатам
Многих выслала война!
Только вышла с ним промашка -
Не имел солдат бумажки,
А по порванной тельняшке
Не узнаешь ни хрена.

Что здесь скажешь? Дело скверно.
В штабе «вешались», наверно —
Морг у нас не безразмерный,
А совсем наоборот.
Был приказ по батальону
О солдатских медальонах
Для команды похоронной,
Если часом зашибет.

Ну, а с парнем этим еле
Разобрались за неделю.
Вышло: лишнюю неделю
Для родных он был здоров.
А решило дело это
Хлорка, выевшая где-то,
Номер выевшая где-то,
От военного билета,
На материи штанов...

Старшина

Кому — Союз.
Кому — война.
А нам с заменой — старшина.
Наш старый прапор,
Отбыв срок, ушел домой.
Был новый хмур. И то сказать
Кто может с радостью принять
В наследство жизнь
между казармой и войной.

Да мы-то здесь не первый день-
Мозги от мата набекрень,
А он в наряде рисовал портрет жены!
О том, что будет через год
Никто не думал наперед —
Мы не могли представить жизни без войны.

Под небом гребаной Рухи
Мы полюбили с ним стихи,
Мы с ним по-новому увидели Восток.
Как говорили дембеля:
Мол, на таких стоит земля

И старшины с собою брали адресок.

Потом был снайпер. Мать твою!
Под Хостом. В первом же бою...

Баллада об афганской жене

1

Она мечтала о любви.
Красивой, чистой и высокой.
Но первый только пригубил
Бокал души ее глубокий.
И был восторженным второй —
Он становился на колени.
И по ночам храпел шестой,
Напоминая о терпении.
Потом был вдруг военкомат.
Слова единственной подруги
И согласилась наугад
Работать где-то там на Юге.
И были горные хребты,
И лед, по-утреннему звонкий,
И чьи-то грязные бинты
У края солнечной бетонки
И красный, новенький Камаз,
Попутка к месту назначения
И обстоятельный рассказ
В письме о всех ее волнениях.

2

Вначале охватила грусть.
Тоска по родичам, знакомым.
За Гиндукушем весь Союз
Казался ей огромным домом.
И краем света был Баграм —
Три сотни книжек и отчеты.
И пустота по вечерам,
Когда ни писем, ни работы.
Когда нет рядом никого
И пахнет дустом одеяло...
Однажды встретила Его —
Того, которого искала.

3

Он был особенно красив.
Тот лейтенант из разведбата:
По-деревенски молчалив,
По-деревенски грубоватый.
О том, что где-то есть жена
И даже два его пострела —
Почти не помнила она.
И как могла. И как умела.
Когда Он спал «без задних ног»,
Она склонялась к изголовью
И ревновал его Восток
Своей особенной любовью.
У той любви такая власть,
Что ей перечить — мало проку:
Он не вернулся с группой в часть
К давно назначенному сроку
И ей твердил семь дней комбат
Слова: тяжелое задание.
А на восьмой сказал: «... В санбат.
Ты поезжай. ..
На опознанье».

4

Давно закончилась война.
Я вдруг о ней услышал снова:
О том, что замужем она,
Есть дом, хозяйство и корова.
И на порог меня впустил
Ее хозяин седоватый.
По-деревенски молчалив.
По-деревенски грубоватый.

Я буду рядом с тобой

Я невесомей огня,
Я воспарил над землей
Восточный ветер меня
Несет в ладонях домой.
Где застигает траву
Зеленым шелком рассвет.
Тебя одну я зову —
Тебя, любимая нет.
Лечу в траве наугад,
Кричу слова в пустоту
И замерзает закат
На тополином ветру... —
Мерцает сумрачный бред,
Его дырявит Афган
Как ослепительный свет,
Как ощущение ран.
Чужие здесь тополя.
Ресницы в липком поту.
Горчит чужая земля
Кровавой пеной во рту.
У искалеченных ног
Дрожит и плавится зной.
Хриплю в горячий песок:
"Я буду рядом с тобой!"
Чернеет трупом броня.
Смердит резиновый чад.
Смерть потеряла меня,
Смерть возвратится назад.
А мне бы руки воздеть,
Да вольным облаком стать,
К тебе одной улететь,
Тобою одною дышать.
Я на броню обопрюсь,
Приподнимусь над землей.
Я жилы вырву — вернусь
Я жилы вырву — вернусь
Я жилы вырву — вернусь
"Я буду рядом с тобой!"

Баллада о двоих

Здесь, товарищ майор, ни к чему разговоры:
Мы остались вдвоем, только Вы вот да я.
И еще эти Ваши любимые горы,
Для которых не значите Вы ни х...
Очень часто, майор, говорили мы матом.
Вот и в эти минуты последнего дня...
Там, в броне есть, я знаю, ручные гранаты-
Принесите, прошу Вас майор. Для меня.
Не тревожьте мои бесполезные ноги
Уходите, майор! И спасибо за жгут.
Отходите к реке ради господа Бога —
У реки одного Вас они не найдут.
Мы не дети, майор, сантиментов не надо.
Ни минуты не мешкайте. Времени нет.
Уходите с дороги на шум водопада?
Торопитесь, в ущелье стекает в рассвет?
Я не знал, что рассвет
может быть таким жарким.
И какая небесная здесь пустота...
Наклонитесь, майор!
Это - радуги арка.
Эй, ключарь! Мы пришли!
Отворяй ворота...

На смерть десантника

Его сосватали с войной
Кабул и Файзабад.
А под Киджолем в мир иной
Отправился солдат...
Сорвав берет с седых волос,
С ПК на перевес,
В потертом тельнике Христос
Сошел к нему с небес...

Больно

У Петьки матушка спилась...
Моя — опять в больнице.
А как на пенсию сейчас
Возможно пролечиться?!
И больно то, что мы с тобой
Помочь не в силах мамам:
Меня убили под Рухой,
А Петьку под Баграмом.

Старушонка

Получила старушонка
На Андрюшку похоронку...
Сентябрем пропахла осень,
Небо плакалось с утра.
Была, кажется, суббота,
Да обычные заботы...
Да, домашние заботы
Не пускали со двора.

Получила старушонка
На сыночка похоронку.
Прибрала бумажку к письмам,
Обмахнула чистый стол
И достала из буфета
Два андюшкиных портрета,
И зачем-то их при этом
Пообтерла о подол.

Отнесла собаке кости:
"Мой сынок приехал в гости.
Он тебе, подлец, покажет,
Как татарить огород!
Что ты, глупый, лижешь ноги,
Мой Андрюшенька не строгий.
Да и то устал с дороги
Почитай, за целый год..."

Посмотрела мать с укором
В низ подгнившего забора.
Вдруг... в момент засуетилась,
Поспешила бодро в сад,
По пути взяла корзину,
Чтоб собрать гостинец сыну,
Словно, очень нужен сыну
Перезревший виноград.

Сонет

Маргарите

Аромат твоих волос
На земле, забытой Богом,
Я, любимая, пронес
По нехоженным дорогам.
Свет твоих лучистых глаз
Понимаю я, родная,
Выручал меня не раз,
Отводил меня от края.

Но, когда в чужих горах
Нам не думалось без мата
И входил в привычку страх,
Как для нищего заплата,
Слава Богу, ангел мой,
Ты не встретила со мной.

Баллада о ненависти

*«Ни на солнце, ни на смерть
нельзя смотреть в упор».*

Ф. Ларошфуко.

Он выпал из вертолета,
Подбитого над дорогой.
Спасибо, спасла пехота,
Спешившая на подмогу.
В долину спускался вечер,
А в память влилась до края
Земля, что неслась навстречу,
Огромная и чужая...

В бреду на больничной койке
Он чувствовал гул моторов.
Горели под ним постройки,
Росли, приближаясь, горы.
Змеилась внизу дорога,
И, мелкие, точно мухи,
На желтом холме отлогом
Пригнувшись, бежали «духи».
Он правил на холм машину.
Он бил в них из пулемета.
Кружила на желтой глине
Тень черная вертолета...
Не в небе, в железной птице,
А в госпитале военном,
Где солнечный день ложится
Квадратным пятном на стену...

Первая послевоенная осень

Плывет, как от блюда с пловом,
Тепло над сухой малиной.
Вращается лист вишневый
В аркане из паутины.

Соседский щенок лохматый
С репьями на задних лапах
Донес мне от пыльной мяты
Едва уловимый запах.

А после глупыш сопливый
Со страху забился в просо —
Он видел, как август сливы
Роняет ленивым осам.

Ему молодая осень
Расскажет смешные сказки,
И тычется он в колеса
Больничной моей коляски.

Старший сержант

Лехе Ржавскому (уже посмертно)

Не замучили болячки,
Не угробила война,
А допился до «горячки»
Из разведки старшина.
«Жизнь — дерьмо!»
А где в нем сахар?!
Я уже молчу про мед...
Все отправимся к Аллаху,
Только каждый в свой черед..
Видел смерть. Играл с ней в прятки.
За троих жевал беду.
И саперною лопаткой
Прокарябал дверь в аду.
Там, за речкой, было туго.
Там я нужен был. А здесь
Напиваюсь, как пьянчуга —
Был сержант, да вышел весь!
Здесь, завидев боевое
Серебро твоих наград,
Скалят местные герои
Золотые зубы в ряд.
Здесь придурки и чинуши,
Пробивные, как клистир,
Беспардонно лезут в душу,
Как в общественный сортир!
Здесь... война мне стала сниться:
Без оружия, в крови
Я к своим хочу пробиться
И не знаю, где свои...

Не стрелять!

По колонне у маленького кишлака
Камикадзе в чалме применил ДШК.
Был он, сволочь, соплив и замызган, и бос.
Захватили живым. Учинили допрос.
И кривилось со страхом на детских губах
Через слово — «Аллах»...
Через слово — «Аллах».
Время шло. Время нас подгоняло вперед.
И, обычное дело, мальчишку — в расход.
И тогда я одно был не в силах понять,
Почему командир приказал: « Не стрелять!»

На войне было всякое.
Много всего...
Под Баграмом убили дружка моего.
Мы попали в засаду, а наш вертолет
Вместо духов по нам применил пулемет...

Сколько лет, как все кончилось,
Только во сне
Я опять в этой Богом забытой стране.
Снова облаком серым клубящийся дым
И «вертушки», стреляющие по своим.
И во сне я хриплю, задыхаясь опять:
Не стрелять!
Не стрелять!
Не стрелять!
Не стрелять...

Паранойя

Ночь. Боль предчувствия. Старик.
Полузасыпанный арык.
Две заблудившихся брони.
Ракет враждебные огни...
Накрытый простынями стол.
Больница. Галоперидол.

Луна в арыке кишлака.
Чалма седого старика,
Его насмешливый ответ:
«Душманов нет, душманов — нет...»
Надсадный грохот ДШК.
Как плеть, повисшая рука.
Куда — то падающий пол...
Больница. Галоперидол.

Ночь. Обезумевший старик,
Его отрезанный язык,
Беззубый, судорожный рот,
Который больше не соврет
И руки черные твои
В чужой и собственной крови...
Слова: «Сестра! Скорей укол,
Два куба. Галоперидол.»

Сон маршала

Однажды Маршалу — звонок по телефону.
И голос Маршалу до ужаса знакомый
Сказал насмешливо и твердо, без доклада:
«Вы завтра будете командовать парадом!»
И вот, хмелеющий от собственной гордыни,
На площадь Маршал въехал в черном лимузине.

Плечом к плечу. За строем — строй. Побатальонно.
Застыли четкие армейские колонны.
Он в мегафон сказал приветственное слово
И растерялся от молчания гробового.
И грубо крикнул: «Что за Армия такая?!»
Знакомый голос произнес: «Сороковая»
И кто-то тут же тихо уточнил из свиты:
«Они не слышат, Маршал.
Все они — убиты».

Бросьте!

Бросьте, не надо нас делать святыми!
Разве безгрешны бывают солдаты?
Мы возвращались усталыми, злыми,
С болью и матом.

С верой в дорогу к родимому дому
Переносили Восток и лишения.
Это потом пристрастились к спирному.
По возвращенью.

Бред, что мы продали дьяволу душу!
С нами столкнувшись, шарахались черти!
Нас научили хребты Гиндукуша
Жизни и смерти.

Ложь, будто мы разучились смеяться!
Просто не можем смеяться беспечно -
Нам на войне было многим по двадцать.
Многим — навечно.

Жизнь продолжается дальше. И все же
Скрыта у всех — и счастливых и пьяных
Неоперабельным раком под кожей —
Память Афгана...

2008 г.

Ответ И.Бродскому, лауреату Нобелевской
премии, автору стихов «О зимней компании
80 — го года»

*«Слава тем, кто не поднимая взора,
Шли в абортарии в 60-х,
Спасая отечество от позора...»*
И. Бродский «Стихи о Зимней
компании

*«Убийство — дело рук молодежи, знакомой
С кровью понаслышке
Или по ломке целок...»*

*«Ясный морозный полдень
В долине Чучмекистана...»*
И. Бродский «Стихи о Зимней
компании

*«Настоящий конец войны —
Это платье одной блондинки
На спинке венского стула...»*
И. Бродский

Маэстро! Оставьте вздор
Высматривать скуки ради
Отроги афганских гор
На гладком листе тетради.
Плести рассуждений нить,
Качаясь на венском стуле,
Не зная, что значит быть
Горячей зимой в Кабуле.

Здесь все навевает грусть:
Долины, предгорья, реки.
За гребнями гор — Союз,
Для многих — уже навеки.
Давай, брат, на всех разлей

Афганской тоски и страха.
За родину тополей
Возлюбленную Аллаха —
Где разум был просто слеп,
А вера имела силу,
Где мы раздавали хлеб,
Что горек был от тротила.
Где с пылью глотали страх,
Где пили немые тосты,
Где правду везли в гробах,
Запаянных
На погосты!
За тех, кого с нами нет:
Шагнувших под солнцем белым,
Не в гранки своих газет, —
Под планки чужих прицелов.
Сгоревших: живьем в броне,
На гнойном тряпье санбатов,
Оставшихся на войне
Кровавых восьмидесятых.

Поэты кричат во сне.
А крест наш несут солдаты.

Игорь Некрасов

Некрасов Игорь Петрович.

Родился 4 апреля 1966 года в станице Кушевской Краснодарского края.

В 1984-1986 гг - служба в 191-ом отдельном мотострелковом полку в провинции Газни (Афганистан) - сержант, санинструктор 8 МСР, разведрота.

Женат, две дочери. Автор сборника стихов «Загадай мне звезду» (2005). Живет в Ставрополе.

Афганистан. Остался навсегда

Откуда знать мне, спросишь, о пехоте?
Забыл бы, да забыться не дают:
То выстрелит мениск, то нервом хлопнет,
Да так, что лучше встретиться в раю.
Кому сказать, да слов не наберется, —
В горячей фляге больше нет воды...
Пехота — след. Во мне он остается...
Жить можно. Если б не было войны.
В горах, где турбулентность, вертолеты
Махнули нам бессильными винтами:
«Мы выдохлись, а вы... а вы — дойдете...»
Пехота — это сами... сами... сами...»
Сквозь грохот боя танки рокотали:
«Нельзя туда нам — бьют гранатометы!
Сожгут броню, а вы... а вы — дойдете...»
Пехота — это сами... сами... сами...»
Изыски — назовут мотострелками —
«Филологов-штабистов» хуета —
Пехота есть пехота. Простота
Названия — солдатскими сердцами,
И выдохом: «Все... наша высота...» —
Пехота — это сами... сами... сами...

...и вот кричу: "Бача, давай по новой!"
свеча, упавшая под лед, горела долго...
чудо?... диво?..
слеза под скрип зубов комдива
пыталась растопить тот лед...
семнадцать километров до Газни...
а журавлю неделю лету до России...
семь дней душе на подвиг отпустили...
и кто вперед...
и кто пойдет...
и скольких понесут...
а скольких бросят...
не брошен ни один...
всех донесли...
шипение тангент как вздох из ада...
и каждого нашла своя награда...
играли гимн... он стал хитом...
знамена выцвели, лафеты укрывая...
и залпы в небо... в трех шагах от рая...
удачи все желали журавлю...
кури, бача... спасибо, не курю...
от свечки не прикуривают...
поздно...

1985

Знание

Присущее собакам знание —
К покойнику надсадно выть...
Сосед, сказали, был «афганец».
Не вынеся лихой судьбы,
А может, по чьему велению,
Поди теперь уж разбери,
Повесился у входа в сени
Часа тому назад как три...
Я тут недавно поселился -
Всего-то пять годков прошло...
Не знал его, а он, вишь, спился.
Нехорошо.
К тому ли мне сегодня снилась
Та злополучная война,
Что не объявлено все длится
В моих, не дай кому-то, снах...
Как-будто были мы убиты,
Но вдруг — ожившие — ползем...
И голос детский «Витя... Витя!» —
И дождь вминает в чернозем
Меня, его, траву и память...
А мне мешает автомат
Схватить Витька двумя руками
И притянуть к себе... назад...
И он уполз. А я остался.
Проснувшись, понял, что во сне
Его душа не дозвалась,
Не достучалась ко мне...
Лишь вой собачий с причитаньем
Его вдовеющей жены...
Сижу контуженный тем знаньем
Собачьей жизни и войны...

**

Схоронили за кладбищем,
Люд к лапше не пришел,
И родня тоже — та ещё,
Будто он не крещён...
Люд друг дружку науськивал:
Во грехе, мол, ушел...
Как же это по-русски, бля,
Как же не хорошо...

Саланг опять с разлукой спутал снежность...
А в кружках кишмишовка — местный «чай»...
Щетина щек не спрячет братства нежность...
Горчинка радости как горный молочай
Граненым краем режет — острый скальпель...
Понять непонятых не тужится страна...
Окно февральское... тепло... песни «пять капель»...
У горя есть святые имена...
А веры нет... а верить очень надо...
И надо жить, тем более любить...
Мне сон принес лихой азарт засады...
Я тоже знал — меня им не убить...
Нам не простят наивность философий,
И не поймут, и хрен с ним, у войны...
Бача, мне не понять гражданский кофе...
«ЗА РОДИНУ!!!»... и капля тишины...

Кофе по-афгански

...а мы с тобою просто пили кофе
под звездами, что ярче трассеров...
там кипень облаков и то по крохам...
а радости — сто сорок коробов...
а мы с тобою просто пили кофе...
и не было колонн, ночных засад...
случалось, загорали мы неплохо
в тени дворцов, под нежностью наяд...
а в основном, мы просто пили кофе...
излетом донимали «мухи» нас,
от кофеина мы едва не сдохли —
он рвал сердца, как траки рвал фугас...
но мы с тобою просто пили кофе...
и ждали писем, вскрытых в основном...
кто их вскрывал — душманы или блохи?
мы ничего не ведали о том...
ведь мы с тобою просто пили кофе,
когда после засад, да на допрос...
и особист, как академик Йоффе,
на атомы щепил нас на донос...
а мы с тобою просто пили кофе...
мы «Чарльз» не признавали за угар...
ты высказал мне все безмолвным вздохом:
про свой Саланг, Газни и Кандагар...
бронезилет, расстрелянный на строфы-
«ошибкой» окантован роковой...
давай, бача, по Третьему... и кофе...
мы пить его приучены войной...

Одномолчане

*Почему молчишь? Морозы? Нас тоже до... стали.
Обещают, суки, до 37 ночью. Серьёзно, по хате хожу в
унтах - плюс восемь!*

(Сергей К. - живая легенда, настоящий герой,
автор и исполнитель "народных" песен, хороший
человек).

«Почему молчу? Ты прав. Морозы» —
Легче оправдания не найти...

Два фрагмента из афганской прозы:
Я — строка. Два тома толстых — ты...

Есть о чем кричать. Слышней — молчанье.
Сердцу не придумали беруш.
Все мы с той поры однополчане.
Есть у нас и крестный — Гиндукуш.

Мы — антитела и антитезы.
Отторженцы мира и войны.
Наглухо промерзшие протезы.
Отчеств не имевшие сыны.

Что же до письма... пишу, Серега,
Вон их целый ворох на душе...
В череде мутаций интердолга
Фраз «недострелённое» клише.

Снегу намело. Дела. Работа.
Быт спокойный все не пристаёт.
Память, словно пуля на излете —
Ранит, а до смерти не убьёт.

Так вот и молчим. Одномолчане.
Выскажемся — зряшно — не поймут.
Вот уже морозы полегчали.
Выживем, бача... по одному.

Площадка футбольная как промокашка,
Поодаль — дыра прямо в землю — люк.
Дыра — это дверь. Там живет дядя Сашка.
Уже и не бомж — просто жизненный глюк.
Откуда он тут, из какого исчадья?
Контужен в Афгане. Потом бизнесмен.
Теперь он для школьников леший и дядя,
Подмена понятий, подмена подмен.
О подвигах Сашки написано в прозе,
Что много геройского сделал в горах,
Теперь вот в дыре. Пережить бы морозы.
И душу излить под бутылку в стихах.
Рад: где-то надыбал осьмушку батона —
На сутки запас — дяде Сашке и вшам.
Калачик судьбы на подстилке картонной
С надеждой в кармане, что скоро весна...
Он умер. Едва не дожив до рассвета.
Так хочется жить!?- он у неба просил.
Но занят был Бог. Строил планы на лето.
И слушал о дятлах доклад «би-би-си»...

Там небо ниже
На три тысячи шагов.
Там звезды ближе
Облаков.
А у ручья
Остался след
Моей ноги,
Оторванной войной...
Потом решили, что ничья -
Победы нет...
Зной.
Бред.
Панджшерский снег ночной пурги...
И на рассвете жизни-вдруг-ни зги.
Отравы бы.
Куда девать мне сапоги
Правые?..
Потом убили Рохлина.
Жена.
Вроде бы.
Уж лучше б там — на Ургуне —
Война...
Плохо мне.
Родина!

...вопрос решен... и мы уже не там...
...наш вид давно пошел на вымирание...
...потертое клеймо на нас — «афган»...
...салам, по совместительству дехканин!..
...не помнишь? .. мне б такое позабыть...

...закусываю яблоком моченым
граненый до сивушестости быт...
и сам дивлюсь живучести печенок...

...но более - живучести химер...
...какое там — «знай выпитому меру»...
...мы родом из пустой эпохи мер...
...потомки чистых опытов Пастера...
...засунуться бы в колбу и молчать...
...но колбы извели... оскомий мыслей...
...дехканин, а по-нашему «бача»,
...ты в памяти до пика нервных систул...
...но радуюсь, когда увижу взгляд,
...который мне паролем бьет по роже:
в нем счастья свет увиденных Плеяд
в предугрненной росе на длани Божьей...
и пафосность уместна тут вполне -
оставшихся живыми после боя...

дехканин, ты не помнишь о войне...
и правильно, родной, ведь Бог - с тобою...

а я пока до веры не дожил...
мне б рядом оказаться на Дороге...

и Дух отдать, пусть веки Бога дрогнут...
ведь он со мной в Чистилище служил...

Выполнять боевую задачу

Мы спокойны пока — не впервой нам в десант —
Впереди еще где-то потеха...
А пока нет запалов в груди у гранат,
И желает «броня» нам успеха.
Зубы месят раствор — это пыль со слюной —
Рот как-будто бетономешалка,
А вчера написали мы в письмах домой,
Что тепло здесь и даже жарко...
А сегодня — десант. Что ж, не нам тут решать,
Не базар тут, и мы не судачим.
Эти мысли нам будут постыдно мешать
Выполнять боевую задачу...
Прилетели удачно, не сбили нас влет.
Вы — шакалы теперь, а мы — волки,
И запал душу в клочья гранатную рвет,
Чтобы рвали шакалов осколки.
Трех гранат мне не нужно секунды считать,
Ну, а если придется вдруг туго,
Я четвертую буду с собою взрывать,
Подпустивши поближе паскуду.
И когда подоспеют, чуть-чуть опоздав,
Молча будут разглядывать груды,
Мое сердце, средь клочьев чужих опознав,
Все поймут, как я жил в те секунды.
И рассказами будут других улаживать,
Даже орден пришлют моей маме...
А ведь как не хотелось мне пальцы разжать,
Как хотелось мне жить вместе с вами...
Я еще столько смог бы вам, люди, сказать,
Но шакалы уж рядом маячат.
Мысли — прочь! они будут мне только мешать
Выполнять боевую задачу...
Свои пальцы разжал я другою рукой,
Той, которая к сердцу поближе,
Сухо щелкнул запал, и секунды рекой,
Их четыре, одна другой жиже...
Мысль мелькнула «еще ведь не поздно бросать»,
Только сердце решило иначе —

Мысли — прочь! они будут тебе лишь мешать
Выполнять боевую задачу.
Вспомнят хлопцы о том, что любил я мечтать
И стихи сочинять тем паче...
Эти мысли уже будут им помогать
Выполнять боевую задачу...

1985

Труба (Минометчик)

Сашка — богач. Отвалили сполна
Воину за заслуги.
Не до слюнтяйства — война как война.
Сашка — из-под Калуги.
Он и не хнычет. Расчет как расчет,
Сашке не до вопросов,
Нужен в горах его миномет —
«Поднос» у духов под носом.
Вот и несет он, сдыхая, плиту...
Жар — даже кости ломит,
Сашку не сломят. На высоту
Он доползет и в коме.
Надо. И пусть нет во фляге на пот,
Сгустками кровь в аорте,
Он не умеет летать — ползет,
Ношей согбенный чертик.
И не до ангелов, и не до крыл,
Адово — все по штату...
Сколько же не человеческих сил
Выдано Сашке по блату?
Он бы и умер давно, но дойдет...
Выживет, знай "афганца"!
Знают. И выдадут. Под расчет.
Чеками. Девять двадцать...

Как крохи собирают по скатерке,
Я в памяти события ищу...
Мной на подкладке вытравлен был хлоркой
Двух юных дат отчаянный прищур.
Как будто время прятал впрок и в «нычку»,
Теперь — верни, теперь — поди, достань...
Вспять — двадцать пять, сопит он, стиснув спичку,
Теперешний афганский ветеран.
Пронзить бы кипу лет навывлет взором,
Подшиву белой ниткой прикусить,
Вдохнуть тот миг, пропахший белым хлором,
И Костю — замкомвзвода — воскресить...
Сопение над первой цифрой — «восемь»...
Неровной вышла циферка — скривил, —
Славна была в тот год золотая осень
С оттенком броским Спаса на крови...
В подвале медсанчасти много хлора -
Весь пол усыпан. Хлорка словно снег.
А на снегу — убитые. Их трое.
Им больше не поможет оберег...
Вторая цифра поровней — «четыре»...
Предтеча мест у черта на рогах,-
Мы в те места известные сходили,
Хотя нас и не звал туда аллах,
А мы о том алаха не просили...
Восьмерка — третья цифра — тот же хлор.
«Восьмеркой» вертолет мы окрестили,
Но это, Брат, отдельный разговор...
И шесть. В последней цифре много яда -
«Шестерка», «сука», «дьявол»... зло и месть...
Иудством испытанье после ада,
Чтоб правильно понять, что значит честь...

От спичек коробок и горстка хлорки,
Огрызком спички росчерк по судьбе...
Две крохи-даты с жизненной скатерки...
Испытано. Афганом. На себе.

За камнем

Не царапай мою щеку, божия букашка!
Мне сейчас не до тебя, не ко времени,
Видишь, даже автомат раскален до плашки,
И посвистывает смерть рядом с теменем.
Не заигрывай со мною, небо синеоко,
Не до игрищ-переглядок, не до ладушек,
Вон о камень, что у локтя, пули в цокот,
Весь поранили, поди, нежный камушек...
Нежным камушек зову этот я по праву, -
Ведь за камушком за этим сам изнежилась,
Кабы жгут, — перетянуть ногу праву, —
Отступилась бы тогда мигом нежить вся...
Ты, травинушка, склонися не за ветром вешним,
А за выдохом моим обессиленным,
Пусть першит, пусть ковыряет в горле грубой пешней
Этот воздух...стон души...сотворенный жилами...
Мне бы силы от земли, не дает — чужая вся,
Мне б росинку от травы — до остей иссохшая...
Мне бы облачко, да тень мертвеца пугается...
Лишь букашке нужен стал вполовину сдохший я...
Не царапай мою щеку, божия букашка!
Час не ровен, раздавлю тебя пальцами...
Слышу: Вроде бы живой, родился в рубашке...
Жизнь пришла. Прошу, возьми постояльцем... А?..

Рыжий Сашка в тельняшке десантской,
Глянь из дали событий и лет.
В стороне твоей джелалабадской
Ни распадов, ни бойнь еще нет.
Ни газпромов еще и ни челсей,
Ни расстрелянных танками Дум,
Ты бы понял меня, Саня, если б
Не колонна та в город Кабул.
И везли-то харчи, да палатки,
Но фугасу — что дел до харчей,
У фугаса дурная повадка -
Убивать самых лучших Бачей.
Синий с красным смешались на белом —
Кровь в полоски тельняшки впеклась...
За судьбою твоей не поспела
Та — грядущая — Родины грязь.
Ты остался, дойдя до предела,
Все свершив, что досталось судьбе,
И казалось, что нет тебе дела
До годин, где царит беспредел.
Искорежены лица в гримасах, —
Надо ж, лужу в пустыне нашли, —
Упираясь, толкают из грязи,
Борт, увязший до самых шасси...
Рыжий Сашка в тельняшке десантской,
Глянь, Евпатий с тобой, Ратибор,
Тянут Русь из калюжины блядской
До сих пор...

Осколок

Это фото я выслал жене
накануне нелегкого боя...
Надпись: «...память...» - и подписи нет —
Я домой не писал о войне, не хотелось жену беспокоить...

Я, наверное, очень не прав.
Но готов понести наказание.
Моя дочь, даже взрослою став,
Не узнала, что был я в Афгане.
Ни к чему. Без того ей в весну.
Сколько тем есть помимо военных.
Пусть живет, не встречая войну
Ни в одной из известных вселенных.
Пусть останутся черной дырой
Для неё те два года афганских...

Без меня — не рассыпался строй,
Без меня — не убавилось братства,
Без меня — не прибавилось льгот,
Без меня — год за три — и не старше...

Жаль вот только, что кто-то умрет
Из ребят, в том бою пострадавших,
И ещё не родят дочерей,
И ещё не посадят деревьев...

«Папа, знаешь, а дядя Андрей
Мне сказал, что ты просто старлей,
И в Афгане убит на Панджшере...
Это правда?» —

в ответ тишина...
Мой ответ не поймать эхолотом...
Я бы морду набил идиоту...
Эх, Андрей... а ещё старшина...

Поскорей бы вернулась жена -
Забрала бы у дочери фото...

«Афган всё реже снится мне во сне.
Со мною вымрет память, так случится.
Тогда напишут «правду о войне»
Историк, писарь и подобные им лица.

И будет в правде той огромный толк,
Одобрит этот толк вся заграница...
Прочтет пацан и скажет: «Держат полк
Историк, писарь и подобные им лица...» -

И складностью солдатскую судьбу
Штабисты хладнокровно отрихтуют,
Учтут и спрос, и времени табу...
А тот, кто помнит правду, ни гугу, —
Не веря в правду лубяную...

Куплю гвоздик и водки пузырек,
Приду к мемориалу поклониться
Всем, кто держал взаправду честь и полк -
Святым героям, ликам их и лицам...

А тем, кто хоть однажды запятнал
Свою судьбу крысятиной штабною,
Я кол срублю из вечного креста,
Что тащат те, кто рядом был со мною,-
Имею право, данное войною, —
Мне верит Бог, и это неспроста...» —

И вот к нему уж тянутся уста
Того, кто предал Бога той весною...

Медсестре

Люди одетые — это живые.
Эти — нагие — остывшие трупы.
В белом — медсестры — бойцы хирургии.
Между живых и нагих. Боль — доступна.

Время богато паллиативом...

Времени не было. Боль — под завязку...

Режут одетых.
Те, что нагие,
Больше не верят в загробную сказку:
Их больше нет.
Речитативом
Гонят из них дух и душу на небо...
Тех, что одеты, пилами пилят, —
Судьбы крошатся чертям на потребу.
Реинкарнация? Нет, хирургия —
Адовы муки спасения жизнью...
Им не завидуют те, что нагие.
Мертвым живые завидуют присно.
Богу завидуют люди в халатах —
Им бы забаву слеплений из глины...
В зависти этой не виноваты
Эти медсестры военной години.

Люди стреляют, люди калечат,
Люди кричат от обиды и боли...

Гнетом все это на хрупкие плечи...

Нет на земле человечнее доли.

Доли больше нет, чем человечья.
Боги простили б, когда б они были,-
Только нужна ли нагим эта вечность...
Если уже человечность остыла?

Время богами паллиативно,
Времени мало на жизнь, человеке.
Помним пещеры, Афины и Фивы...

Мир не киты держат, — хрупкие плечи...

Память

Вниз лицом лежит Афганистан.
В пыль и дым разметаны дувалы...
Память, добиваешь, перестань!
От войны во мне и так немало...
Сгорбленные ветки у реки,
Вены, словно вскрытые арыки...
Погаси, рассудку вопреки, —
Прошлого всплывающие блики...
Стоны так пронзительно тихи,
Значит, мой товарищ умирает...
Господи, прости ему грехи,
Дай ему хотя бы пядь от рая...
Память забирается в стихи,
И они во тьме ночной сгорают...
Вниз лицом лежит Афганистан,
Мы идем тропой мемориальной...
Лики, имена... Здесь неспроста
Звон колоколов и звон медалей...
Руки воздевают деревья, —
Вера у молящихся святая...
Здесь не произносятся слова,
Здесь лишь человечность обитает...
Слышится дыхание и плач,
Доблесть своих лучших поминает...
Господи, прощение назначь,
Дай им подышать в тени у рая...
Память, ты спаситель и палач,
Я тобой казнюсь и выживаю...

Илья Плеханов

Плеханов Илья Сергеевич. Поэт, переводчик.

Родился в Красноярске в 1977 году.

С 2000 года публикуется в различных периодических изданиях: «Бельские просторы», «Литературная Россия», «The New Times», «Русский обозреватель» и др.

Автор двух поэтических сборников.

Член Союза писателей России.

С 2006 года - одним из создателей и главный редактор Альманаха ветеранов последних войн «Искусство Войны» (<http://www.pavoine.ru/>).

В качестве военного корреспондента был в различных «горячих точках».

Живет и работает в Москве.

Напутствие

Пусть белый бант безумия не расцветёт на бритой голове...
Пусть маки ран не пустят корни
В твоей широкой зательняшенной груди
Пусть в утку неглубокою не соскребут мозги
Пусть член не упадёт в ведро с руками
И вместо ног не вырастут железные штыри
Пусть врач не перепутает яичницу с глазами
И пусть недавний школьник в восемнадцать лет
Тебя не кинет в цинковый пенал
И пусть в мешок из собственной же кожи
Не нашпигует и не втиснет тело
Небесный Высший Добрый Трибунал...

Когда вернёшься, пусть учёная война
Налево и направо по цепи не ходит
Пусть самым странным словом будет "бакалея"
И пусть ночами, в муках, кочубея,
Не будешь ты кричать во сне:
"стреляй, коли, мочи, огня! воды! патроны мне!"
И будешь пугаться, произнося:
"Афганистам", "Сечня", "Икар", "Бреднам", "Колея"
Пусть спирт не будешь прятать ты под коркой хлеба
И молча костыли отодвигать на счёте "три"
Пусть "лифчик" затаит хоть что-то от жены
"Рожок" ты купишь в булочной, грызи!
"Зелёнка" пусть лишь будет детским препаратом
И пусть не будешь ты солдатом...

Всё понял, человек? Рождайся!
Давай попробуем? Живи!
Открой глаза! Вот свет! Смотри!

Если...

Странно, но я любил тебя той порой
Когда ты ходила по полю собирала ромашки
Я невидимым ангелом брёл пред тобой
В белой русской рубашке
Наступал на мины и срывал растяжки
Странно, но я любил тебя той порой

Когда ты стонала под кем-то и не слышала
Как бьются клювами в стёкла птицы
Рвутся к теплу в квартире
Я долго курил жевал треугольник пиццы
И расстреливал спички в тире

Если я возвращался и встречался с тобой в переулке
Ты тащила меня в ресторан или в парк на прогулку
Говорила я стал очень смуглым
Говорила мои глаза — это древнее тихое небо
Что застыло в куске янтаря
Странно, как обычно ты ошибалась
Я всегда был младше тебя

А когда началась заваруха и в город вошли танки
Ты писала: неужели Аллах затеял снова игру в нарды?
Мне пришлось рассказать четверть шутки и восьмушку
правды
В кафе где мы любили сидеть попала бомба
Я приходил к воронке
Вместо чашки кофе съедал банку солдатской тушёнки
Звёздное небо над головой — словно одна на всех братская
похоронка

Если я возвращался живым из траншей и руин
И встречался с тобой на вокзале в Мадриде или
Где-нибудь в Сингапуре
Ты тащила меня в ресторан, а потом погостить домой
У тебя был дом на побережье океан у подножья
И чьё-то привычное дыхание каждую ночь
У самого у изголовья

Говорила я стал очень смуглым
Говорила мои глаза — пустая клеть в зоопарке
И доставала бутылку "Старки" из какого-то запасника
Странно, я вдруг понимал
Что никогда не любил тебя...

он разрушен, ему не помочь
смерть по миру пускает тень
в правом ухе серьга ночь
в левом ухе серьга день
это город, а я жгу
два письма, тебе, мне
мне две строчки
тебя больше нет
а тебе две страницы люблю
тихо спросит костёр тогда
сколь годков тебе, сколько лет
а с углов уж горела душа
почернели её края
ты всё знаешь теперь огонь
в восемнадцать приходит война
я не ранен ещё и жив
тёзка мой вчера всё на себя
целиком ему очередь в грудь
не успев оглянуться махнуть
он шагнул и нашёл небеса
вот и всё кому теперь ждать
продолжает капель стучать
про тебя, про тебя, про тебя
ты костёр не молчи, со мной
свой нехитрый веди разговор
завтра спустятся духи с гор
завтра будет черёд мой

ноябрь, ноябрь
ноябрь прошитый белыми стежками декабря
тревожны небеса
рассыпчатые сны ещё дымятся в голове прохладным утром
деревья под землёй сплетают корни в буквы
вернее здесь — арабской вязью в суры из Корана
но вот снимает выстрел душу с ручника
и вывернув дырявые карманы
она взмывает над горами
и наблюдает бой издалека

что мне любовь твоя в такие дни
пыль на броне, на рукаве штормовки
мяса кусок на острие ножа
чье-то лицо в прицеле снайперской винтовки

что почерк мой тебе - я не пишу
лишь может быть зелёной тенью промелькну
на заднем фоне журналистской зарисовки
иль стану цифрой в ежедневной сводке
ты новости внимательней смотри

слышал у вас подорожал бензин
упала жизнь в цене подешевела дурь и водка
я не вернусь забудь меня не жди
что мне у вас во лжи?

я остаюсь
горы ноябрь
ноябрь надкушенный молочными зубами декабря
горы ноябрь война
земля живая и живые небеса

ты откроешь мне дверь
и накроешь на стол
ты застелешь постель
и начнёшь разговор

ты раскроешь мне душу
начнёт таять твой лёд
и глаза вдруг прольют
что рука не прольёт

я скажу про поход
про войну, про чужбину
как я рвался домой
как стреляли мне в спину

как держали в плену
как я был рядовой
как друзья мою смерть
накормили собой

будешь слушать ты молча
и не скажешь ни слова
всё прочту по глазам
мне не надо другого...

вот такие вот мысли
думал я до тех пор
пока кто-то не свистнул
и не щёлкнул затвор!

с небра падают чайки
как декабрьский снежок
ты на кухне в Москве
попиваешь чаёк

я застыну на миг
вот приснится же сон!
я опять на войне
я сошёл на перрон.

порою, невзначай, мерещится мне будто бы
пейзажи Брейгеля висят на стенах
разрушенных снарядами домов
и слышно еле-еле эхо голосов
тех сербов, что лет семь назад здесь полегли...

и амбразура сотворённая из книг
то прозой, то стихом
на ветерке тихонько шелестит...

прости меня, родная Сербия, прости
прости, что в той единственной атаке
меня контуженного вынесли свои
и в рукопашной не схватился я с хорватом
прости меня, пойми и осуди

я в неоплатном пред тобой долгу
и даже в тесном дружеском кругу
меня вдруг начинает так трясти
что закипает кровь и разум мой мутнеет
и захлебнувшись памятью, шалею...
но продолжаю всё бесцельно жить
в Москве, в убогой злой глуши...

Салют, Сашок, салют! Ну как там ты?
Прошло двенадцать лет
И вот на дне моей пробитой головы
Скопился нужный конденсат чернил.
А может, всё же Бог меня простил?
Я не забыл, поверь, я не забыл

Давно хотел тебя спросить:
Сашок, тебе в раю вернули ногу?
Там разрешают видеть сны?
А наливают с гулькин нос или помногу?
У нас всё также — ложь и грязь, война
А впрочем, ты, уверен, сам всё знаешь
Отсюда к вам не иссякла река
Ребят, наверняка, ты там встречаешь?

А помнишь как колонну МИГ — и жгли
Хорваты нас и сербов убивали
И ангелы, хрипя, не успевали
Души погибших нагружать в свои ЗИЛ-ы?
А помнишь, Саня, тот дождливый день?
Канадский миротворец пролетел
Подброшенный взрывной волной по небу
И удивлённый взгляд застекленел...
А в пять утра добротный артобстрел?
А море разноцветных беженцев к обеду?

Нас не поймут "афганцы" и "чеченцы"
У них призыв-приказ-долг-злые дали
А мы с тобой свободно выбирали
На что мы шли — мы точно знали.
Им не понять, за что же за Дунаем
На рубежах чужой для них войны
Ребята из России погибали.
Мы чудики для них, Сашок,
А кое для кого и мудаки.

Ну ладно, всё, Сашок, бывай!

Тут что-то холодно становится опять
Ты, это, небо там топить не забывай
Чего-нибудь "за встречу" найди,
И не скучай, и не грусти.
Придём — расскажем всё.
Давай!

...ноябрь 2006 года...

Сижу на кухне голым третий день,
Смотрю, как небо полыхает кровью,
И как кругами ходит моя тень
И разговариваю лаем сам с собою...

Всё кончено, возврата больше нет,
Открыла рот земля и машет холодами,
Косая наливает водку мне в стакан
И тянет руку с ржавыми гвоздями...

Убито всё, разорвана весна,
Осталась лишь моя сплошная память,
Да черти бродят в умывальнике стадами,
Я осенью бесполезным их крестом,
Они мне машут куцыми хвостами...

Слеза сорокоградусная Бога
Всё так и не смогла преодолеть
Щеку воспоминаний. Сея смерть,
Хорваты возникали у порога.
"ratni zloinci" — "красавцы" пятого
Убийственного года...

Тогда мы быстро отступали.
И здесь сейчас, на кухне предо мной
Отрезанные головы бойцов
Лежат на подоконнике рядами,
Сверкая крупными крестьянскими зубами...

Одна из них двенадцать лет назад
На сербском мне Тарковского читала,
А день спустя
Под Книном Краины горячая земля
Поэзию и кровь её в себя впитала...

Из градусника выпиваю ртуть,
Завалена квартира вся телами,
Я брежу августом, мир бредит тополями.
Я вспомню всех
Когда
Ни
Будь.

Мы уходим назад, мы уходим за линию фронта
Мы уходим в обратку, а не то, о чём любят писать
Мы просили воды, это было - согласны - непросто
А теперь мы обратно, трупный пот - как пить-дать...

Нас увозят назад, нас транс-пор-ти-ру-ют
Обзывают нас "грузом", и увозят в родные края
Кто вагоном, кто "бортом", кто в мешках, а кто судном
А кого-то и "зайцем" заклеить норвят...

Нас увозят домой, где берёзы и сосны
Где в свои небеса вниз ложимся лицом
И парные могилы, что "забыли" нам вырыть
Как ресницами машут, травинкою и колоском...

Нас не будут любить, нас и так никогда не любили
Нам напишут сто песен, ну а толку бумагу марать?
Вам спасибо за то, что лопаты у вас, что живые
Нам спасибо за то, что не хочется вам умирать...

Черви нас пригласят, как объявят, на свой белый танец
Черви - это как ретушь перед встречей с Верховным Судьёй
Ну а там наверху - чёрный мраморный глянец
Не забудьте листать, как наступит у вас выходной...

Мы уходим назад, позволяя вам здорово выпить,
Затыкая вам глотки в третий главный ваш тост тишиной
Из "джакузи" могил, сквозь небесную накипь
С удивлением слышим, как кто-то кричит "я с тобой!"...

Мы уходим назад, мы уходим назад и как эхо всё слышим:
"Почему он, не я?" и "Постой, ну постой, я с тобой!"...

31 декабря 2006 - 1 января 2007

Почти совершеннолетняя война
(15 лет с начала Чеченской войны)

Наложи трафарет войны на любой город,
И услышишь сразу — люди кричат и стонут.

Чуть подвинь его рукою своей нетвёрдой,
Сразу в дом угодят колыбельной бомбой.

К зеркалу подойди и прикрой лицо иконкой,
"Кровь и плоть" — это пароль, отзыв — "Спирт и тушенка".

Занавешивай теперь его, не занавешивай,
Смерть не видит, моторизирована душа или спешена.

Вырвись из здания, брось во врага гранату,
Всё равно отцу на заводе не заплатят зарплату.

Оглянись, огрызись, выпусти магазин и займи позицию
Город завален трупами, можешь набрать 02 и вызвать
милицию.

Чей-то выстрел, и - тело сослуживца катится,
Чёрти что, лучше бы кино в Москве, да тёплая
одноклассница.

Полыхнуло, "ура", штурма "версия три", рукопашная
разгорается,
Пятна крови по снегу самостоятельно передвигаются.

Всё: секунды, дыхание, промедол, чей-то адрес и бинт
Если выживешь, приедешь домой и поймёшь, что давно
убит.

Перебежками, перепрыжками, и петляй по жизни, как заяц,
Трафарет войны — это ты. Навсегда. Мерзавец.

Андрей Рогожников

**Андрей Леонидович
Рогожников.**

**Поэт.
Родился в 1963-м году.
Служит в милиции. В 2001-
году находился в
командировке в Чечне.
Публиковался в
периодических изданиях.**

**Живет в г. Златоуст
Челябинской области.**

Минутка-95

Сколько отчаянья, боли и мата!
В связках, простуженных, голосовых -
Площадь «Минутка» в пятнах бушлатов.
Наших солдат, но уже не живых...

Грозный

...рывок, прыжок, откат и — мимо!
нет-нет, опять не угадал!
тихонько брошен взгляд за спину:
«Ну, как ты, друг? — И я порвал!»

Смахнул с губы, дрожащей, глину,
привстал за камнем — снова «вжик».
Вот долбит, гад, твою малину!
Ползи, друган, ну, ты мужик!

Сейчас мы место обустроим,
ты сильно пыль не поднимай.
Ты что, братан?! Да что с тобою?!
«Ну вот и все... ты... передай...»

Ни слез, ни злости — пусто, глухо.
Ну, берегись! Я рядом. Здесь.
Язык шершавый, небо сухо.
Куда ж ты, сука, мог залезть?

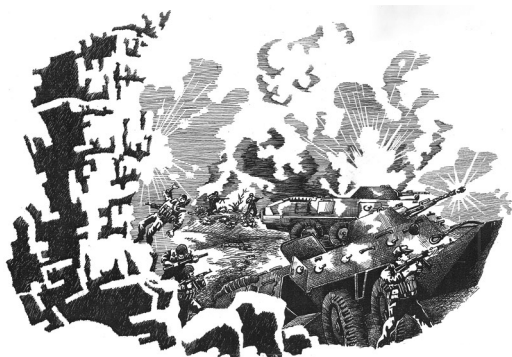
Среди обломков видел! Вспышка!
Сейчас тебя настроим в лад!
Есть! Приговор! короче, «вышка»!
Вот так! И риску на приклад.

Ф-1

Ах, как страшно. Змеюкой мороз по спине,
Сердце в диком отчаянье бьется.
Средь обломков лежат - те, кто был на броне,
Автомат не стреляет — плюется...

Раскаленным гвоздем ткнуло в ногу и в бок,
Ах ты, дьявол! теперь не подняться.
Совершил автомат свой последний плевок,
И чечены уже не таятся.

Окружили. Смеются. Достали ножи,
Липким ужасом сковано тело...
Эй, с повязкой, колечко на память держи,
А скоба-то уже отлетела...

До рассвета

Больно нестерпимо!
Дайте сигарету!
В этот раз не мимо...
Только б до рассвета...

Все плывет в тумане,
Горьковато-звонком.
Вот мой дом, вот мама,
Я ещё мальчонка...

От крыльца дорожка,
Прямо на полянку.
Дедова гармошка,
Старая «тальянка»...

...На щеках чужие,
Жесткие ладони...
Здесь, ребята! Жив я!
Отстегните «броник»!

Подожду. Конечно.
Только все сильнее
Холодом нездешним
По ладоням веет...

И ногам прохладно...
Только б до рассвета,
Дотянуть бы надо,
И до лазарета...

Утречком подмога,
Солнцем обогрета.
Не дожил немного
Парень до рассвета...

Те, кто был

Вкусившие смертей,
Кричащие ночами,
Царапают людей
Бездонными глазами.

В тугом и злом бреду,
Ослепшие без света,
Накликают беду,
Просящие ответа.

Свой, пепельный туман,
Ревущий зев откроет,
Рубцы жестоких драм
Наполнят сердце гноем.

С далекой стороны,
Злой ветер вновь иссушит,
Коррозией войны
Изъеденные души...

Спасибо, друг...

Спасибо, друг, что ты зашёл,
И, как всегда,
Я даже не накрою стол,
Вот ведь беда!

А помнишь ...лет тому назад,
В чужих горах,
Нас убивали. Помнишь, брат?
И видишь в снах?

Как в нас стреляли с трёх сторон,
И взвод редел.
И нам помочь никто не мог,
Иль не хотел...

Метались звёзды трассеров
Средь мёртвых тел,
И голос ледяных ветров
По-волчьи пел.

Качнулось эхо, окатив
Тугой волной,
Смертельной сталью зацепив
И нас с тобой.

Пронзительно, как жажда в зной,
Уж сколько лет...
Я радуюсь, что ты живой,
...а я вот - нет.

Снова тревожно, не спится ночами,
Чудятся выстрелы, взрывы во мгле,
Снова незримая смерть за плечами,
И не дает позабыть о себе.

Крик удивленный на грани разрыва,
Губы сухие слезой оросив,
Лопались вены вдрызг от надрыва,
Малый кусок от судьбы откусив.

Мозг воспаленный в жестоком тумане,
С тихой мольбою к яркой звезде,
Что пережито — останется с нами,
Ну, а сердца — на проклятой войне.

Нету от бреда ночного спасенья,
В ранах душевных снова саднит,
Мечется разум в слепом раздвоенье —
И, вроде жив, но как будто убит...

Николай Сундеев

**Николай Владимирович
Сундеев.**

**Поэт, издатель, журналист.
Родился в Молдавии. Работал
в прессе, затем – редактором
в книжном издательстве.
Был членом Союза писателей
СССР. В 1992-93 гг. издавал
и редактировал первую в
Молдавии литературную
газету на русском языке
«Строка».**

**Автор вышедших в разные
годы семи поэтических книг
и книги документальной
прозы. Стихи печатались в
периодике и альманахах ряда
стран. Член Международного
ПЕН-Клуба.**

**С 1994 года - в США. Живет
в Сан-Франциско. Главный
редактор еженедельной
газеты «Кстати» [http://www.
kstati.net/](http://www.kstati.net/)**

Напряжение

(Конец 80-х, Кишинев)

1.

Прошиты дни
вибрирующей нитью
надрывных слухов.
Я не верю им.
Не верю, что пора кровопролиться
сгущается над городом моим.

Но все ж
непредсказуемым разбродом
грозит разбухшая, как никогда,
вражда не между властью и народом,
а межнациональная вражда.

2.

Этой ночью тревожной
думал: слухи не так уж глупы,
и казалась возможной
смерть от рук разъяренной толпы.

Этой ночью бессонной
всякий - близкий, далекий ли — звук
для души напряженной
был предвестьем неслыханных мук.

Пронеси ее мимо,
Боже, дикую эту волну!

...Страх ни с чем не сравнимый —
страх за сына
и дочь, и жену...

3.

В чем-то ты уже не тот,
и в душе -
следы надломов,
потому что прожил год
в ожидании погромов.

Страшен поворот судьбы —
рев национал-стихии,
бесноватый клич толпы:
"Чемодан — вокзал — Россия!"

Русский — оккупант и зверь,
вот и весь их сказ недлинный.

...Вновь стиральной машиной
подопрешь входную дверь

на ночь;
будет под рукой
молоток — твой друг надежный...

В чем-то ты
уже другой,
ибо понял: все возможно.

4.

Человек не может
быть самим собой:
человека гложет
страх перед толпой.

Ночь угрозой дышит
с четырех сторон.
Топот ног он слышит,
вопли, стекол звон...

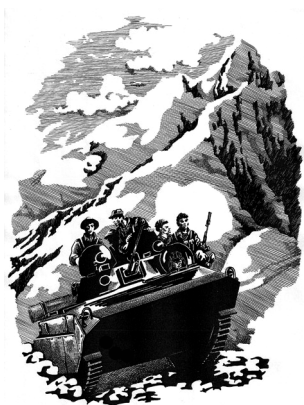
Он в окно слепое
смотрит, в злую тьму.

Нет ему покоя.
Жизни нет ему.

5.

Вот он,
час испытаний,
он уже начался.
И потерь, и метаний
пролегла полоса.

Нет выбора, нету,
нет иного пути:
мне пристрелянной этой
полосою идти...

Сполохи

Цикл стихов

...на той войне незначимой...
А.Твардовский

I

Как отрывался с кровью
я от тебя, страна...
Войною в Приднестровье
душа обожжена.

Лета другой орбитой,
живя в стране иной,
все с той,
незначимой,
не расстаюсь войной.

У отчего порога —
безумья торжество...
Страшней того урока
не знаю ничего.

II

(Дубоссарская развилка, декабрь 1991 г. За три месяца до войны в Приднестровье)

Этот взвод ополченцев-рабочих
взят обманом и смят, и на том
ставить точку бы,
но - пулеметчик
на посту милицейском пустом...

Понимал: безнадежное дело -
против многих стоять одному,
но стрелял он,
пока не влетела
пуля в грудь. И свалился во тьму...

И повис над сумятицей, в дыме,
неожиданный миг тишины
в этой схватке своих со своими
на обломках великой страны.

...И прикладами в остервененье
стон его забивали глухой,
и когда волокли,
о ступени
бился мертвою он головой.

III

Нет, не детям —
и так им давит на темя
этот воздух,
в котором металл и дым —
о том, какое страшное было время,
внукам расскажем своим.

Это будет пропахшая кровью
сказка-быль
о жестокой и грязной войне.
А дети наши к словам
"обстрелы" и "Приднестровье"
уже привыкли вполне.

Как мы метались
в узком пространстве нашем,
выход ища,
и как страх пожирал нас живьем —
мы обязательно внукам
об этом расскажем,
если до них доживем.

IV

Хороши эти вишни в цвету,
хороши эти быстрые птицы,
набирающие высоту,
чтобы с небом сияющим слиться.

Смута смутой,
войною война,
а природа свое не упустит:
все равно наступает весна,
будто нет этой боли и грусти.

Будто ветра веселая прыть
обещает нам лучшую долю...
Невозможно весну отменить.
И теплеет душа поневоле.

V

Пятый месяц под огнем
дом родительский, а в нем —
папа с мамой... Ночь за ночью
бьют орудия, и с крыш
черепицу сносят —
в клочья
разорвав ночную тишь.

...Пережив одну войну,
на которой так досталось,
разве думали — под старость
угодить в еще одну?
Неожиданна и зла
и бессмысленна вторая —
на окраине, у края
Дубоссар, где жизнь прошла...

Прорываются сквозь мглу
вести из неведьней дали:
в коридоре на полу

спят в одежде. Исхудали.
Ночь за ночью, день за днем
не могу ничем помочь я.
День за днем
и ночь за ночью
папа с мамой — под огнем.

VI

Беспорядочно-надсадные,
хлещут яростно и зло
очереди автоматные
по Садовой и Лазо.

И, безжалостно изранена,
ожидает новых бед
дубоссарская окраина —
та, родней которой нет...

VII

(Дубоссары, август 1992 г.)

Всю ночь обстреливали дом,
распарывая мглу,
и в самом прочном и глухом
теснились мы углу.

И перестрелок кутерьма
гнала надежды прочь:
во все окрестные дома
стреляли в эту ночь.

Всю ночь стреляли по нему,
по свету давних дней.
По детству били моему,
по юности моей,

по жизни прошлой, что была
плоха иль хороша,

но вихрем огненным не жгла,
все бешено круша...

Солидно ухал миномет.
Спасал нас под огнем
дом, ненадежный наш оплот,
с пробитой крышей дом...

VIII

(Бендеры, август 1992 г.)

В этом городе
стало немного спокойней.
Этот город приходит в себя
после бойни.
С улиц убраны трупы.
Вставляются стекла в витрины.
Те дома, от которых остались
одни лишь руины,
начинают сносить...
Этот город, он будет, он есть,
но не сможет уже
безмятежность былую обрести.

Он познал половодье смертей,
он запомнил убитых детей,
и пожары, и взрывы,
и голод, и страх,
и людей, уезжающих в товарняках
в неизвестность...
Не слишком он верит
в пришедшую тишь,
в то, что больше не бьют
прибалтийские снайперши с крыш,
принимает с сомнением
он всякую добрую весть.

Этот город не сможет
безмятежность былую обрести.

IX

Жить можно даже и в неволе,
и в окруженье лютых бед,
но только не на минном поле.
На минном поле жизни нет.

И неспроста среди тумана
вдруг растворяются друзья:
они спешат в иные страны.
На минном поле жить нельзя.

А мы — живем. Мы вроде живы —
не зацепило, не смело —
но жизнь в предошущенье взрыва
страшнее взрыва самого.

А мы живем, ступать рискуем
на тропку узкую, как нож,
и каждый миг непредсказуем,
и сам не веришь, что живешь...

X

Дом стоит на берегу.
В доме человек заплакал:
— Слаб я Господи: как благо
все принять я не могу.

Вот — война...
Что это было?
Вихрь взметнулся — и затих.
Двух друзей моих убило.
Сына одного из них...

Вспомню — и душа дрожит
от тоски невероятной:
этот мальчик был прошит
очередью автоматной.

И приятеля его,
на год, кажется, моложе, —
тоже очередью... тоже...

Страшно, Боже!
Страшно, Боже...
Непонятно ничего.

XI

Засну - и время вспять
идет на свете белом,
и мать с отцом
опять
полгода под обстрелом.

И дом я вижу тот,
где досками забиты
все окна;
огород,
снарядами изрытый...

И снова, как тогда, я
к родителям спешу.
По слою гильз ступая,
к их дому подхожу.

1992, 2009

Лаура Цаголова

Лаура Кимовна Цаголова.

**Родилась в 1968 году в
Краснодаре в семье военного.
Училась в Литературном
институте им.Горького.**

**Автор поэтического сборника
(1997). Публиковалась
в журналах, газетах,
антологиях поэзии.**

**Член Союза писателей
России.**

Русичи

Мы были друг для друга тем,
Что воспалется и рвется
Из саркофагов тесных тел...
Мы были Небом из колодца!
Той, вертикальною водой,
Распарившей долину сердца...

Мы жили прошлою Землей.
Не иноходцы — иноверцы!
Те, что не ведали морщин,
С начала вечности крещения...
Мы звали женщин и мужчин
На пасху перевоплощения...
Когда врасплох пылицу времен
Терзали гончие Вселенной,
Мы шли на смерть в юдоль икон,
Чтобы святых спасти от плена.
Оберегая имена
Нас обличающих пророков,
Мы проживали боль сполна
В последних строчках эпилогов.
Но, разорвав холсты могил
На утро дня сорокового,
Прозренья наши вышли в мир
Для очевидности былого.

1998 г.

Похороны в станице

..И тянет рыданием октябрьский дождь
Ту был, что в ответе за стыд отступления...

Бичует толпящихся нервная дрожь:
От крика до блика — от блика до пения
Старух в чернозёмном шифоне тоски.

На вдове моление падкие птицы,
Как падшие души таранят виски,
Да ветер шлифует холодные лица
Святых новобранцев, в бойницах могил
Читающих Вечность, как лучшую долю...

И юные ангелы, полные сил,
Из стана хранителей рвутся на волю
Туда, где не смертно...

В несметную...
жизнь!

2004 г.

Кровавый снег

*В этот день нам прислали посылку из дома.
Среди прочего в посылке было и моё любимое
лакомство, что продавалось тогда в Союзе в ларьках
“Мороженое”. Когда начался обстрел, я стояла на
балконе и ела московскую
клюкву в сахаре.*

Мне снилась клюква...
..в пудре сахарной —
Вкус детства, выбранный войной...
И плац, бойцами перепаханный,
На метры тяжбы разрывной...
И рядовой из пополнения,
Что принял бой лицом в рассвет.

Оставлен, миру на съедение,
Трофейной жизни амулет!

Мне снилась клюква...
Но за давностью
Снега приспущенных высот,
Несли кровавый привкус явности,
Как щедрый ягодный приплод...
И вихри птиц, учуяв крошево,
Чернили снежный благовест...

Душа убитого из прошлого
Держала смертное за Крест,
Пока дозор небесных знахарей
Готовил пропуск в Божий Свет...

..И я спасаюсь...
..клюквой в сахаре.
Под Новый Год...
Все двадцать лет!

*Кабул-Москва
(31.12.1982-31.12.2002 г.)*

Непобежденный

Пока удерживала Смерть
Среди живых его усталость,
Он всё надеялся успеть
Запомнить то, что оставалось...

Питая кровью гарь земли,
Стирал с небес оттенки боя...

Пока его не погребли,
Не окунули с головою
В навзрыд разомкнутую твердь —
В неутешительную сушу...

Пока оспаривала Смерть
НЕПРИКАСАЕМУЮ Душу!

1996 г.

Призывник

Он был крещён на той войне,
Которой не дадут названия...
Он тосковал по тишине
В сетях огульного страдания...
Он не делил пасхальный звон
На времена убийства года.
Но был пленён.
И был спасён,
Пока его родная рота
Ложилась в серую траву
Кровавой сводкой невозврата.
Он матерился наяву
В зловонный сонник медсанбата.
И был терзаем, как храним,
И был омыт да Небом взвешен...

Господь стреляет по своим
Лишь потому, что неутешен
Любви Акафист призывной,
Прощений манна разрывная...
И этот мёртвый рядовой,
Встал часовым на трассе Рая.

24 января 2007 года.

Мальчишки дерутся на детской площадке.

Мальчишек не старит азарт беспощадный.

До крика... До боли...
В пыли и запале...
Не знают они,
Что вернется едва ли
Один из двоих победителем...

Страшно
За этих детей,
Если канут однажды
Минуты вражды по дороге на Грозный.
И младший из них станет БЕЗВЕСТИВЗРОСЛЫМ.

Март 1996 г.

Непокоренным

Не знаю, как это было...
Но очевидно — сбылось!
Они нещадно любили
Всё то, что русским звалось
В години злого засилья,
Опровергая Запрет...
Пока их всех, пофамильно,
Не сокрушили в рассвет.
Наживкой бросив живучесть
Ветрам острожных затей...
Не-раз-делимую участь
На позывные смертей
Разбили...
Сдали в утиль
Неподконтрольное счастье.
Высот намоленный штиль
В земное ввергли ненастье!

Не знаю, сколько их было.
Но в Были — не продохнуть!
Одною братской могилой
Неопаскудевшим путь:
Они попарно уснули
На склоне праведных фраз...

И что им первые пули,
Не повторившимся в нас!

1997 г.

По тревоге

«Рота, подъём!»

Из армейского обихода

Быль, распинаемая словом,
Оскалившим приметы смут,
Тебя, в орнаменте терновом,
Путем мистическим введут.
То тут, то там, вскипают даты -
Подтёки кровного стыда.
Но в грязных сумерках солдаты
Латают мертвые тела —
Душа к душе... Пока округа
Ждёт самозваного царя,
Срывая хронику испуга
Листовками календаря,
В шеренгах павших — чин по чину,
Безмолвной белой чередой
Стоят достойные помина,
Не здешнего — за упокой,
А вещего, как «ныне, присно»,
Из уст в уста, из года в год...
Лишь одичалая Отчизна
Их за своих не признает.
Отчизна копит пораженья,
Объята струпьями идей.
В канун Великого Сраженья
Азартом проклятых вождей
Её исхлэстаны границы,
Разорваны, разорены...
Пора пришла убитым сбыться
Святым предчувствием войны.

2008 г.

Содержание:

Юрий Беридзе	6
Илья Бестужев	32
Анатолий Гончар	42
Михаил Кошкош	54
Игорь Некрасов	78
Илья Плеханов	98
Андрей Рогожников	110
Николай Сундеев	118
Лаура Цаголова	130

окопка. ru

современная военная литература

Основная миссия интернет-ресурса окопка.ru состоит в создании единой площадки современной русскоязычной литературы и публицистики посвященной теме прошедших, текущих и будущих войн. Общим литературным пространством, где в едином творческом процессе встретятся и будут, обогащая друг друга, сосуществовать работы ветеранов, прозаиков, поэтов, военных журналистов и историков, литературоведов и критиков. Стратегической целью создаваемого ресурса есть структурирование и развитие сегмента современной русскоязычной военной литературы.

Редакционная коллегия:

Глеб Бобров,
гл. редактор ресурса "Окопка" (*oko-
pka.ru*),
член Союза писателей России

Владимир Олейник,
критик, публицист, кандидат
педагогических наук
(*voleinik.ru*)

Максим Мошков,
создатель и руководитель
"Библиотеки Мошкова"
(*lib.ru*)

ОСКОЛКИ
Современная военная поэзия.
Сборник стихотворений.

Главный редактор:
Глеб Бобров (окорка.ru)
Редактор-составитель:
Владимир Олейник (voleinik.ru)
Корректоры:
Владимир Олейник
Дизайн и верстка:
Дизайн студия Юрия Прожоги
(prozhoga.ru)

Подписано в печать 16.04.2010
Формат издания 60x84/16. Печать офсетная
Гарнитура "Балтика". Тираж 1000 экз. Усл.-печ. л. 8,25.
Заказ №183.

Издатель и изготовитель
ООО «Виртуальная реальность»
91011, г. Луганск, ул. Челюскинцев, 6/15.
Тел.: (0642) 71-81-40, 71-81-41.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъектов издательской деятельности
ДК №1415 от 03.07.2003 г.